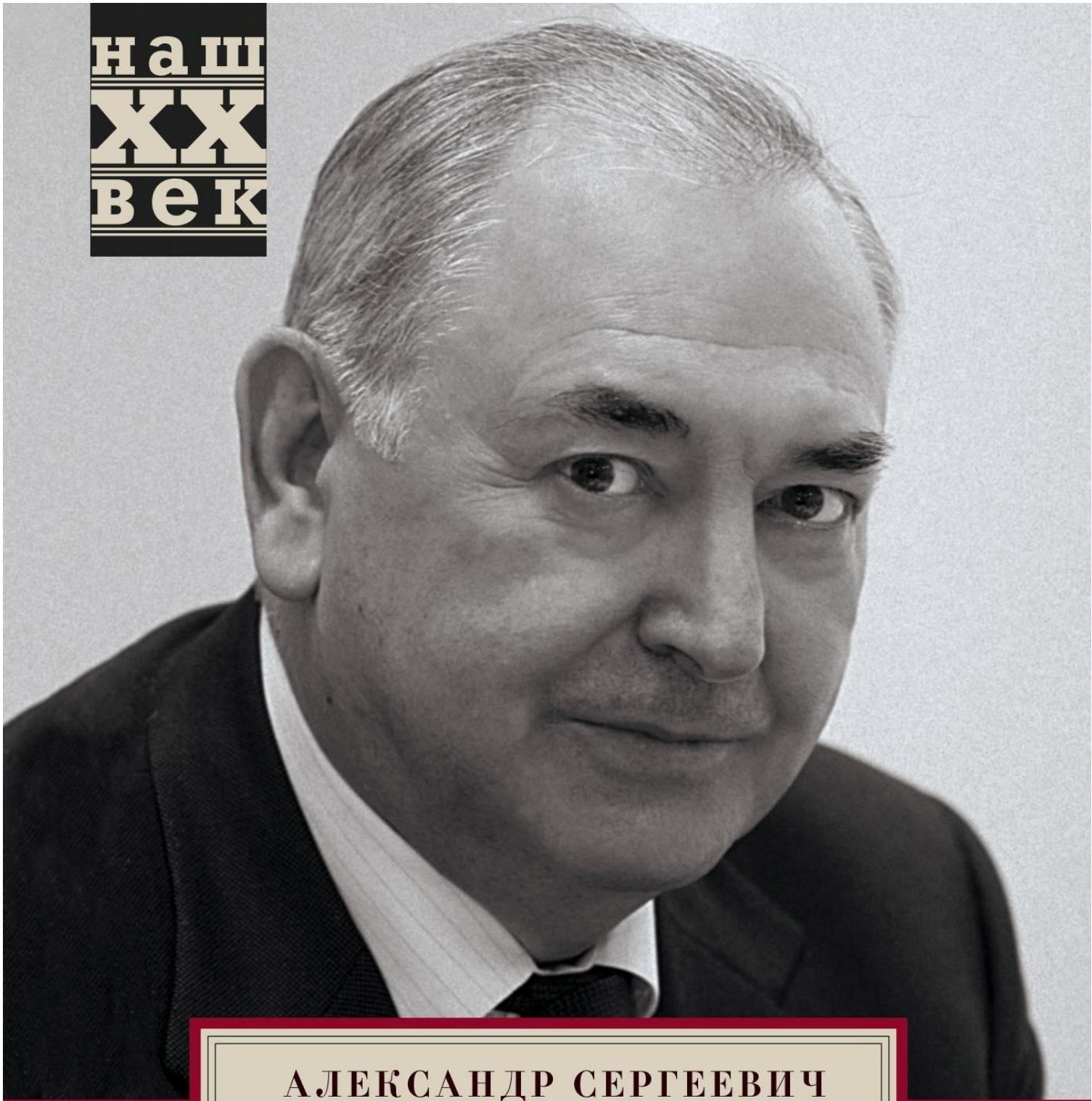

Наш
XX
век

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ

ДЗАСОХОВ

КАК МНОГО СОБЫТИЙ
ВМЕЩАЕТ ЖИЗНЬ

Наш XX век

Александр Дзасохов

**Как много событий
вмещает жизнь**

«Центрполиграф»

2019

УДК 821.161.1-94
ББК 63.3-8

Дзасохов А. С.

Как много событий вмещает жизнь / А. С. Дзасохов —
«Центрполиграф», 2019 — (Наш XX век)

ISBN 978-5-227-07902-2

Большую часть жизни А.С. Дзасохов был связан с внешнеполитической деятельностью, а точнее – с ее восточным направлением. Занимался Востоком и как практический политик, и как исследователь. Работая на международном направлении более пятидесяти лет, встречался, участвовал в беседах с первыми президентами, премьер-министрами и многими другими всемирно известными лидерами национально-освободительных движений. В 1986 году был назначен Чрезвычайным и полномочным послом СССР в Сирийской Республике. В 1988 году возвратился на работу в Осетию. В 1998 году избран Президентом Республики Северная Осетия – Алания. В этой книге автор постарался передать многое из того, что лично пережил, продумал за несколько десятилетий и чем захотел поделиться с широким кругом читателей, с новым поколением политиков.

УДК 821.161.1-94
ББК 63.3-8

ISBN 978-5-227-07902-2

© Дзасохов А. С., 2019
© Центрполиграф, 2019

Содержание

Зачем нужны воспоминания	6
Глава 1	10
Начало пути – награда судьбы	10
В международном молодежном движении	16
Куба небольшая страна, но большая в современной истории	19
Ясуси Акутагава: великий музыкант и политик	26
Переворот в Алжире. Футбол и политика	28
Путешествие на Огненную Землю	30
Между ЦК и МИДом	33
Поднявшие знамя борьбы с колониализмом	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Александр Сергеевич Дзасохов
Как много событий вмещает жизнь

© А.С. Дзасохов, 2019

© «Центрполиграф», 2019

Зачем нужны воспоминания

XX век вместил в себя огромное количество масштабных политических событий. Историческое время было заряжено на космические скорости, практически каждое поколение моих соотечественников за свою жизнь прошло через несколько политических эпох. Немногим более ста лет назад существовала Российская империя. Родившиеся в ней люди оказались современниками революций и мировых войн. В XX веке при жизни двух-трех поколений была создана и сформировалась мощная мировая держава, СССР. В результате событий, подобных политическому землетрясению, держава распалась, на ее месте возникли новые молодые государства. Каждой эпохе соответствовало собственное мировоззрение, собственная политическая культура. Воспоминания пишутся, чтобы сохранить историческую память и преемственность, взять в настоящее то, что служило национальным интересам, не перечеркивать каждую страницу истории. Такое желание стало одной из причин, побудивших меня написать эту книгу.

В тумане повседневной конъюнктуры, а политику он покрывает часто, много ошибочного, не выдерживающего проверки временем. События и люди становятся гораздо лучше понятны, когда пыль истории осядет, прожитая эпоха завершится. Поэтому политику, оценивающему факты, к которым он лично причастен, которые имеют большое значение не только для прошлого, но и для настоящего, крайне важно «зажать» себя, удержаться от одностороннего, а тем более от тенденциозного взгляда. Только тогда картину происшедшего в его изображении можно считать неискаженной, а предпринятый анализ – относительно полным. Трудно сказать, достигал ли когда-нибудь кто-то из политиков такой беспристрастности. Но это не означает, что к ней не надо стремиться. В этой книге я пытаюсь сделать это по мере возможности.

Размышляя о событиях прошлого, я не ограничивал себя только документальными, официальными источниками. Разумеется, охватить всю палитру фактов было невозможно. Книга во многом автобиографична, основана на личных впечатлениях.

Человек и политика. Какой смысл я вкладываю в эти слова? Человек может реализовать себя в разных областях. В науке или литературе, технической мысли или экономической деятельности, военном деле или врачебном искусстве. Политика – одна из таких областей. Это серьезная профессия. Хотя она обладает огромной спецификой, здесь тоже есть свои профессионалы и дилетанты, мастера и приспособленцы. В политику можно попасть случайно, в результате стечения обстоятельств, а можно прийти в молодости, обдуманно, с увлеченным настроением, и уйти уже в почтенном возрасте.

Я часто размышляю о том, как сложились судьбы политиков моего поколения. Тех, кто вышел из «советской шинели», прошел через комсомол, был членом КПСС, а потом окунулся в бурную политическую жизнь эпохи перестройки и последующих лет. Многие уже написали свои мемуары. Никогда не выступал в качестве судьи, но мне кажется, что лучшие из них те, где рассказ о минувших событиях не пытаются вести на языке сегодняшнего дня, не подменяют достоверность истории ее более поздними политическими оценками. Убежден, что нельзя при подведении жизненных итогов бросать камни в прошлое. Возможно, в этом есть некоторая привлекательная театральность, но нет правды. Образно говоря, все мы, политики, сформировавшиеся во второй половине прошлого века, ответственны за то, что было вчера. Но мы ответственны и за то, чтобы объяснить это «вчера» более молодым поколениям. В этом заключается наша сегодняшняя ответственность. Иначе разрушается преемственность, общество рискует оторваться от исторических корней. Прошлое должно служить настоящему. Россия XXI века должна использовать отечественные знания, накопленные в веке XX.

Многие представители моего поколения, имевшие богатый политический, управленческий, хозяйственный опыт еще советской эпохи, за это время сменили по пять-шесть партий.

Для меня же, как и для некоторых других, это было невозможно, как невозможно за одну человеческую жизнь прожить пять-шесть биологических жизней. Думаю, для настоящего политика существует одна главная партия – партия судьбы страны, партия народа. И чтобы состоять в ней, необязательно перепрыгивать из одной политической организации в другую.

Часто утверждают, что политика – дело грязное. После полувекового нахождения в политике, когда подходит время подведения итогов, я бы не спешил с односторонними обобщениями. Как в музыке или на полотне художника, здесь надо видеть разные тональности и оттенки.

Я бы сказал, что политика – дело нужное. Но при этом очень ответственное и содержащее в себе огромные риски. Как для самого политика, так и для огромного числа людей, которые зависят от его решений, от его интуиции и понимания сути событий. Чем выше политическое положение, тем больше мера ответственности. И тем глубже политику надо вдумываться в происходящее. Как говорил один из семи мудрецов Древней Греции Биант, «думаю, затем действую».

Многие годы я был связан с внешнеполитической деятельностью, а точнее – с ее восточным направлением. Занимался Востоком и как практический политик, и как исследователь. Изучал процессы, связанные с обретением бывшими колониями государственной независимости после Второй мировой войны. Работая в Советском комитете солидарности стран Азии и Африки, устанавливал контакты с руководителями государств, возникших на этих континентах, с лидерами национально-освободительных движений. Впоследствии был назначен Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР в Сирийской Арабской Республике, которая для советской внешней политики являлась приоритетной страной на Ближнем Востоке. И все это время был в курсе того, что происходит на родине, жил прежде всего ее жизнью. Я полностью согласен с философом Джорджем Сантаяной, который писал, что «ногами человек должен расти в землю своей родины, когда глаза его обозревают весь мир».

Работая на международном направлении более пятидесяти лет, я встречался, участвовал в беседах с первыми президентами Египта – Гамалем Абдель Насером, Алжира – Ахмедом Бен Беллой, Гвинеи – Секу Туре, Танзании – Джулиусом Ньерере, Сирии – Хафезом Асадом, Кипра – архиепископом Макариусом, кубинским лидером Фиделем Кастро, президентом Франции Франсуа Миттераном, премьер-министрами Индии и Вьетнама Индирой Ганди и Фам Ван Донгом, Генеральными секретарями ООН Бутросом Гали и Кофи Аннаном, со многими всемирно известными лидерами национально-освободительных движений. В этой книге хочу рассказать о них, о многих других политиках, с которыми встречался в течение жизни в ходе рабочих поездок в более чем 70 стран. Вообще хочу рассказать о судьбе человека в политике.

Освободительное движение колониальных народов выдвинуло целую плеяду ярких личностей, о которых говорится в книге.

Вклад нашей страны в освободительную борьбу был огромным. Не увидеть эту историческую правду означало бы неоправданно недооценить роль советской дипломатии.

Многие события, участником и свидетелем которых я был, произошли достаточно давно. Понятно, что в ходе работы над рукописью надо было освежить в памяти точные даты, иногда имена действующих лиц. Что делать? Получил согласие Министерства иностранных дел просмотреть написанные мною три, а иногда четыре десятилетия назад шифротелеграммы из столиц зарубежных государств – Гаваны, Каира, Бейрута, Дамаска, Луанды, Дели и других. Сотрудники Архива МИД (это настоящее сокровище) подобрали все, что меня интересовало. Несколько дней работы. Просмотрел тексты. Казалось, прочитал, уточнил. Но нет. На память приходят эмоционально окрашенные воспоминания. Чувства – как после долгого полета в прошлое.

В конце 1980-х годов моя работа на внешнеполитическом направлении дополнилась активным участием во внутривнутриполитической жизни СССР и современной России. Я оказался во главе областной партийной организации КПСС в Северной Осетии, откуда родом, где вырос

и получил образование. Затем снова попал в Москву, был избран председателем Комитета по международным делам и членом Президиума Верховного Совета СССР, а позже членом Политбюро и секретарем ЦК КПСС.

После распада СССР потребовалось многое осмыслить и проанализировать, с тем чтобы определить сферу своей будущей деятельности. Я делал это в увязке с собственным пониманием интересов государства, его судьбы. Поэтому значительная часть книги содержит анализ и оценки сложных процессов и событий того времени.

У молодого поколения нет опыта, связанного со словами «перестройка» и «гласность». Но каждый человек более зрелого возраста вспомнит сегодня, сколько надежд мы возлагали на придание СССР нового ускорения, соответствующего глобальным изменениям. Сколько скал и подводных рифов приходилось обходить для того, чтобы обновленный СССР, оставаясь единым, мощным государством, сохранял и приумножал закладываемый в него потенциал обновления. Но тайной за семью печатями для многих является детально разработанный, но так и оставшийся не реализованным проект программы КПСС.

Оглядываясь назад, спрашиваю себя: была ли неудача тех начинаний предопределена? Не могу ответить на этот вопрос утвердительно. Советский Союз имел реальный исторический шанс стать мощной демократической державой, объединяющей значительную часть народов Евразии в единую многонациональную общность, гармонически сочетая их экономические, культурные, социальные, политические интересы, упреждая разрушительные конфликты.

Думаю, в этой книге содержится хотя бы часть ответа на трудный вопрос, почему реальный ход событий оказался иным. Трудности исторического перехода были многократно усугублены несовместимостью личностей М. Горбачева и Б. Ельцина, взявшего курс на расшатывание устоев СССР. Перестройка двигалась с опасным превышением скорости. Реформирование общества порождало массу проблем, предвидеть которые заранее не мог никто. Предварительно выверенных, проверенных, апробированных практикой решений не существовало.

В результате многообещающий реформаторский проект потерпел неудачу, произошла дезинтеграция СССР. Но значит ли это, что та эпоха останется потерянными временем?

Считаю, что нет. Сохранился некий неуничтожаемый «генофонд» тех событий, общественных устремлений, идеалов справедливости. Прежде всего – результат духовный, морально-этический. Незримый, но реальный и чрезвычайно важный. Остался бесценный человеческий опыт.

Эхо распада СССР оглушительно пронеслось по всей стране. Но особенно громким оно было на Кавказе. Здесь грохот разрушающегося государства как бы отразился от сотен горных вершин и обвалил на головы людей лавины бедствий. На поверхность вышли образы старых обид, породившие межнациональные конфликты.

Всегда надо помнить и о том, что Кавказ является местом огромного числа народов, многие из которых пришли из глубины веков. С этим связано этническое, конфессиональное, языковое культурное разнообразие Кавказа, которое с особой силой проявляется в периоды крупных политических перемен.

Каждый крупный политик – выходец с Кавказа получал тревожные сигналы со своей исторической родины. Во всегда успешном Азербайджане за короткое время воцарилась атмосфера неопределенности, экономического и социального кризиса. Пришедший к власти в Грузии Гамсахурдиа спровоцировал кровавые конфликты в Южной Осетии и Абхазии. Критическое положение сложилось на Северном Кавказе. Именно поэтому важная часть книги посвящена оценке событий того сложного времени, делам и судьбам кавказских политиков. Трудный путь к сохранению территориальной целостности на Юге России и очевидные результаты большой стратегической задачи стали важной вехой современной истории.

Я создавал наброски к этой книге несколько лет и за это время мог видеть, как меняются общественные взгляды и настроения в России и в мире. После распада СССР, политических

изменений в странах социалистического содружества многие пытались представить дело так, будто бы закончился негативный период истории и начинается эра благоденствия. Но «конца истории», о котором в то время писал Фрэнсис Фукуяма, не произошло. Ни в нашей стране, ни где-то еще. Жизнь оказалась намного сложнее. Но резервы для движения вперед большие. На первое место ставлю сосредоточение государственной политики и политической воли на выстраивании добрососедских и взаимовыгодных отношений с государствами и народами соседних стран, с которыми нас связывает история и советская эпоха.

Сегодня можно наблюдать, как под влиянием изменений в экономике, культуре, настроениях людей общественная мысль снова разворачивается в сторону поисков более справедливого общественного устройства. Это одновременно происходит во многих частях мира. Хотелось бы, чтобы эти процессы стимулировали возрождение левой общественно-политической мысли, но не поверхностной – радикальной и баррикадной, а по-настоящему глубокой, основанной на извлечении уроков истории и научном знании.

К сожалению, в наши дни весьма остро ощущается недостаток глубоких научных исследований общества. В последние годы общественные науки почти перестали подпитываться оригинальными, глубокими идеями и практических политиков, и само общество. Очень часто молодые люди, вступающие в жизнь, размышляющие о выборе профессии и будущей судьбе, не имеют целостной картины мира. Надо признать, что ни Интернет, ни другие высокотехнологичные инструменты передачи информации сами по себе создать такую картину не в состоянии. Поэтому нам, российским политикам, очень важно правильно использовать огромные возможности, предоставляемые информационной революцией. В том числе и для того, чтобы обеспечить подключение нашего общества и нашей политики к общемировым, общеевропейским общественно-политическим дискуссиям.

К сегодняшнему дню человечество накопило колоссальный потенциал политического опыта. Можно назвать десятки, сотни имен политиков мирового масштаба, которые прошли все ступени своей профессии от начала до конца. Я имею в виду вышедших в отставку лидеров государств, особенно тех, кто добился значительных политических результатов. Как писал Гегель, «сова Минервы, богини мудрости, вылетает в полночь», то есть тогда, когда политическая жизнь с ее борьбой, достижениями и неудачами уже прожита и наступает время познания истины. Поэтому, думаю, должен существовать регулярно, допустим, два раза в год собирающийся мировой политический клуб, состоящий из таких людей. Они уже не скованы текущими политическими обстоятельствами и обязательствами, поэтому их дискуссия о событиях сегодняшнего дня будет свободной, а голос прозвучит авторитетно. Много раз я бывал на отечественных форумах, которые можно считать прообразом такого клуба, принимал участие во встречах бывших лидеров государств Азиатско-Тихоокеанского региона, по приглашению бывшего президента Южной Кореи, лауреата Нобелевской премии мира Ким Де Джуна.

Почему я с такой уверенностью говорю, что прошлый политический опыт важен для сегодняшнего дня? Ведь есть политики, которые так не считают. Им вчерашний день не нужен, ведь он уже прошел. В таком подходе заключена огромная ошибка. Политическая интуиция, аккумулированный опыт личности были и остаются нужными для задач и целей новых поколений.

Завершая работу над книгой, особенно почувствовал, как стремительно отдаляется от нас время великого противостояния, охватившее конец минувшего века. Чрезвычайно насыщенные и, несмотря ни на что, удивительно ярко прожитые годы, полные борьбы, риска, зримых побед и, увы, неудач.

Я старался передать многое из того, что лично пережил, продумал за несколько десятилетий и чем обязательно должен был поделиться с широким кругом читателей, с новым поколением политиков.

Глава 1

Лабиринты большого противостояния

Начало пути – награда судьбы

Моя молодость прошла в Осетии, по обе стороны бурного Терека. Родословная семьи Дзасоховых происходит из селения Бад Алагирского ущелья, на границе между Северной и Южной Осетией. В календаре 1892 года, который я берегу как семейную реликвию, сказано, что Бад основан в 1390 году, то есть является одним из ранних поселений в горной части Осетии.

Моя же биография началась 3 апреля 1934 года. Я родился в семье потомственного железнодорожника Сергея Асабеевича Дзасохова. Мои школьные годы пришлось на послевоенную пору. Для нас, мальчишек, самыми выдающимися людьми были тогда фронтовики, прошедшие Великую Отечественную войну. Мы воспринимали их с таким же энтузиазмом, с каким в 1960-х годах наши сверстники относились к космонавтам.

Нашим соседом по улице был Агубе Хлоев, фронтовик, полковник, служивший после войны на Украине. Он был политработником, заместителем начальника военного училища. Хлоев, как многие в те годы, ходил в военной форме, у него была окладистая борода, и он производил впечатление человека интересного и невероятно много знающего. Когда я был в шестом-седьмом классе, он часто встречался с нами, школьниками, стремился приобщить к чтению политической и исторической литературы, даже дал мне несколько таких книг. Я забирался на чердак и погружался в чтение, хотя мало что понимал в прочитанном. Казалось, что я соприкасаюсь с чем-то очень важным. Такова была романтика той эпохи.

На формирование моего мировоззрения повлияла и художественная литература. Для меня и моих одноклассников существовал настоящий культ русского языка и русской классической литературы. Например, мы состязались в том, чтобы знать наизусть всего «Евгения Онегина», хотя в школе это не требовалось. Настоящим кумиром для нас был герой романа Этель Войнич «Овод». Мой одноклассник даже сделал себе шрам на щеке, чтобы походить на него. Тогда было модно наносить татуировки – этим мы стремились показать, что ничего не боимся, можем вытерпеть любую боль. Лунными ночами иногда совершали набеги на соседские сады, хотя те же фрукты росли в каждом дворе. Казалось, что такие поступки нас как-то закаляют.

Мой отец, человек доброжелательный, наблюдал за всем этим и, осуждая мальчишеские проделки, старался развивать во мне любовь к литературе. Он брал для меня в районной библиотеке почему-то стихи Байрона, Лермонтова, произведения Шекспира. Отец работал начальником железнодорожной станции и гордился тем, что пошел по стопам своего отца, моего деда, который был машинистом. На семейном совете решили, что я, как старший среди пятерых детей, буду жить в основном у бабушки в г. Алагире. Отец постоянно находился в разъездах, но расстояния были небольшими, поэтому виделись мы часто. Помню, как вышестоящее начальство агитировало отца поехать учиться в Москву, однако он все время отказывался, поскольку хотел быть рядом с семьей, заниматься детьми. Он одинаково хорошо владел и русским, и осетинским языками. Коллеги-железнодорожники называли его Сергеем Петровичем. После того как отец вышел на пенсию, у него появилось больше времени, чтобы бывать на свадьбах, праздниках, других торжествах и, как водится в жизни, на похоронах. Я много раз слышал от земляков, что отец умел найти нужные слова и в радости, и в горе. Он был очень душевным человеком, пользовался огромным уважением всех, кто его знал.

Моя мать, Тамара Урусбиевна, по девичьей фамилии Тебиева, имела среднее финансовое образование, работала несколько лет, а потом на ее плечи легла забота о детях и ведение большого домашнего хозяйства. Именно благодаря ей наш дом отличался особой ухоженностью и гостеприимством. К отцу приходили сослуживцы-железнодорожники, друзья из райкома партии, из местного исполкома – многие в гимнастерках, а кто-то и при оружии, поскольку война закончилась совсем недавно.

В школе огромное внимание уделялось спорту и физической культуре. Наш военрук, капитан-фронтовик Иван Иванович, почти еженедельно организовывал десятикилометровый кросс. Иван Иванович пользовался среди нас непререкаемым авторитетом, как и те офицеры, которые ежегодно, ранней весной, на несколько дней приезжали в нашу школу, чтобы рассказать об армии и привлечь выпускников к поступлению в военные училища. Они не произносили патриотических речей, но своим присутствием в школе, рассказами о военных профессиях сумели убедить очень многих. Несколько моих одноклассников стали военными, служили потом по всему Советскому Союзу.

Моей заветной мечтой было поступить в военно-политическую академию. Но этому не суждено было сбыться, поскольку сразу после средней школы в академию не принимали. В г. Орджоникидзе (теперь Владикавказ) находился знаменитый горно-металлургический институт цветных металлов. В 1950-х годах среди учебных заведений своего профиля он считался вторым по значимости после Московского геолого-разведочного института цветных металлов. В моем Алагирском районе, где сосредоточены богатые рудные месторождения, работали геологические экспедиции, так что представление о профессии геолога я имел с раннего детства. А потом и сам поступил в горно-металлургический институт. Лекции нам читал всемирно известный профессор Жуковский, один из лучших специалистов по алюминию; в институте работали Иван Остроушко, автор огромного количества учебников по горному делу, известные специалисты в области цветной металлургии Арон Давидсон, Алик Гуриев и Михаил Алкацев. Нам было у кого учиться.

Первую свою геологическую практику я проходил на границе с Китаем, на юге Читинской области. Сначала поездом отправился из Орджоникидзе до Москвы, потом снова поездом восемь дней до Читы, оттуда на машине до станции Борзя и, наконец, пешком до геолого-разведочного лагеря. Хорошо помню те места, до сих пор в моем архиве хранится отчет об экспедиции. Преддипломная практика была на Кольском полуострове. Доехав до Ленинграда, пересел на самолет, летевший в г. Апатиты, а оттуда на вертолете добрался до места назначения. Овладевать профессией было очень интересно, передо мной открывались огромные пространства нашей страны, которые я изучал и вширь, и в прямом смысле слова вглубь.

Но тяга к политике все равно дала о себе знать. Где-то на третьем курсе меня избрали секретарем комсомольской организации нашего института. Организация была большая – три тысячи человек. Сам вуз был многонациональным, здесь учились люди со всего Советского Союза, прошедшие разную жизненную школу – одни уже отслужили в армии, другие пришли со школьной скамьи. Институт был, как сегодня сказали бы, элитарным – студенты носили форменную одежду, получали повышенную стипендию. Не всем это нравилось. В городе было много хулиганов, местная шпана облюбовала для своих сборищ прилегающую к институту территорию. Нередкими были драки со студентами, в ход шло холодное оружие. Однажды хулиганы подкараулили и избили студента Женю Хорунжего, который шел со своей девушкой, отобрали часы. Тогда нашему терпению пришел конец.

В апреле 1955 года мы сначала широко разрекламировали, а потом устроили в институте вечер танцев. Был выходной день, и со всего города съехалась молодежь. Тогда мы закрыли двери и устроили всем обстоятельную проверку. За вечер изъяли 27 финских ножей и столько же свинцовых кастетов. Попались даже дети некоторых наших преподавателей. Надо сказать,

что в формах обращения с преступной шпаной мы себя не ограничивали, применили физическую силу.

Это событие получило огромный резонанс. Комсомольцы избили хулиганов, хотя этого им никто не поручал. Расследованием занялся областной комитет партии. И первый секретарь обкома Владимир Агкацев, и секретарь по идеологии Билар Кабалоев, который непосредственно занимался изучением обстоятельств происшедшего, прекрасно понимали, что дальше терпеть хулиганство было нельзя. Но с другой стороны, мы как будто бы проявили самоуправство.

Расследованием на областном уровне дело не закончилось. Делегация наших студентов по моему поручению и при негласной поддержке ректора института Сергея Игнатьевича Крохина срочно выехала в Москву. Ребята во главе с Евгением Лосем попали в приемную Председателя Верховного Совета СССР Климента Ефремовича Ворошилова. Его сотрудники позволили в обком партии, запросили дополнительные материалы. Областные власти отнеслись к этой поездке неодобрительно. Но мы отстаивали свою правоту. За ту апрельскую операцию некоторые наши студенты, в том числе и я, получили в подарок именные часы от министра внутренних дел РСФСР генерала Тикунова.

После окончания института С.И. Крохин рекомендовал меня в аспирантуру. Огромного желания у меня не было, но к советам своего ректора я прислушивался. Однако вскоре меня избрали первым секретарем горкома комсомола, и я занялся этой работой, а одновременно на полставки оставался преподавать в институте.

На работу в Москву я попал совершенно неожиданно. В командировку в республику приехал Владимир Григорьевич Шипунов, заместитель заведующего Организационным отделом ЦК ВЛКСМ. Он знакомился с нашей работой, присматривался к кадровому резерву, несколько раз беседовал и со мной. Помню, мы сыграли с ним несколько партий в настольный теннис. У меня тогда была своя манера игры, и могу сказать, что первый секретарь горкома комсомола удачно посостязался с работником ЦК. Он уехал, ничего не сказав, но уже в конце февраля 1958 года меня вызвали в столицу, предварительно дав понять, что речь может пойти о переходе на работу в ЦК ВЛКСМ.

Перед отъездом мне дома успели сшить темно-зеленый костюм из купленной на толкучке ткани, чтобы я выглядел в Москве солидно. И это мне пригодилось, потому что после серии собеседований меня представили первому секретарю ЦК ВЛКСМ Александру Николаевичу Шелепину – одному из ключевых руководителей хрущевского периода. После комсомола Шелепин возглавлял КГБ, и считалось, что он может заменить Хрущева, а после его отставки – Брежнева. Помню, первый секретарь ЦК ВЛКСМ спросил у меня, могу ли я ездить верхом. Он разговаривал со мной как с кавказцем.

Эта встреча оставила сильное впечатление. Комсомольский лидер Москвы в годы Великой Отечественной войны, Александр Шелепин был непосредственным организатором отрядов молодежи, направлявшихся на защиту столицы от врага. О нем писала талантливая фронтовая журналистка и замечательная поэтесса Маргарита Алигер в поэме «Зоя»:

...В Москве, окруженной немецкой подковой,
Товарищ Шелепин, ты был коммунистом
Со всей справедливостью нашей суровой...

Талант Шелепина как молодежного лидера и незаурядного организатора еще больше раскрылся в должности первого секретаря ЦК ВЛКСМ в послевоенные годы, когда сотни тысяч молодых людей были мобилизованы на восстановление разрушенного народного хозяйства, отправлялись на освоение Сибири и Дальнего Востока. Имея прекрасное образование, выпуск-

ник философского факультета МГУ, Александр Шелепин видел и воспринимал послевоенный мир в реальном контексте.

В 1957 году под его непосредственным руководством проходила организация Международного фестиваля молодежи и студентов в Москве – грандиозного события, имевшего большой международный политический резонанс. В Советский Союз приехали делегаты из десятков стран. Наша страна открывалась миру. Хорошо помню те дни. Я был студентом выпускного курса и делегатом Московского фестиваля, так что мне есть о чем рассказать и есть с чем аргументированно поспорить. Так и хочется процитировать великого поэта: «Да, были люди в наше время...»

Личность Шелепина обсуждали и при его жизни, и многие годы спустя. Все, кто помнит его, интересуется его достоверной биографией и личными качествами, сходятся во мнении, что Александр Николаевич обладал огромным потенциалом государственного и политического деятеля. Насколько позволяла эпоха, он был самостоятельной личностью с собственным мнением. Когда Н. Хрущев предложил Шелепину возглавить КГБ СССР, тот пытался отказаться, объяснял, что это не его работа. Однако Шелепина уговорили. Хрущев хотел его руками окончательно закрепить в сознании народа итоги XX съезда партии. Между тем Шелепин в самом начале работы во главе госбезопасности заявил: «Я хочу коренным образом переориентировать работу КГБ на международные дела, внутренние должны уйти на второй план».

А впереди его, как перспективного политика, ждали иные времена! Команда Л. Брежнева, сместившая Хрущева, начала оттеснять Александра Николаевича на периферию реальной власти методами, позаимствованными из работ Н. Макиавелли, но с советско-партийной спецификой. Создавалось впечатление, что Брежнев опасается, как бы волевой и авторитетный в народе Шелепин не организовал «дубль два», используя опыт смещения Хрущева в октябре 1964 года.

Молодежные лидеры советской эпохи, как правило, реализовывали себя на больших и серьезных направлениях работы, занимали впоследствии высокие государственно-политические должности. В то же время далеко не всегда их судьбы были безоблачны. Наиболее талантливых задвигали подальше. Николая Николаевича Месяцева, который многие годы работал секретарем ЦК комсомола, а позже был успешным руководителем Гостелерадио СССР, отправили послом в Австралию. Причем реальной причиной «катапультирования» Месяцева в Южное полушарие было его публичное недоумение по поводу оттеснения Шелепина от реальной власти.

Очень популярного руководителя комсомола Сергея Павловича Павлова называли «политическим Гагариным». И не только потому, что Юрий Алексеевич и другие космонавты, как и деятели культуры, вместе с вожаками комсомола были одной большой дружной командой, лицом советской молодежи. Мои почти девять лет работы в молодежном движении выпали на павловское время. Павлов заряжал окружающих энергией и новыми идеями. Когда речь шла о внимании к интересам и проблемам молодежи, он любого министра мог поставить на место. Казалось, что со своими яркими способностями Павлов перейдет на новый уровень государственных политических задач. Однако его неожиданно отправили руководить Комитетом по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР. Но и там он показал себя, как и следовало ожидать, блестяще. В это время с огромным успехом прошла летняя Московская олимпиада. Школу Павлова на спортивном направлении прошли многие замечательные его товарищи, например Виталий Смирнов, который многие десятилетия, вплоть до настоящего времени, представляет нашу страну в Международном олимпийском комитете. Но боязнь возвращения Павлова в большую политику не покидала Старую площадь, и он был отправлен послом в Монголию, как в свое время В. Молотов, а после и вовсе в геополитическую глушь – в Бирму.

В качестве ответственного организатора орготдела ЦК ВЛКСМ я курировал Южный Урал – Челябинскую и Пермскую области. По 200–230 дней в году приходилось проводить в командировках. Десятки раз бывал на Магнитогорском металлургическом комбинате, на Челябинском трубопрокатном заводе, в Центральной России – в Пензенской, Тамбовской, Воронежской и других областях. Думаю, нет ни одного моего ровесника среди государственных и политических деятелей нашей страны, кто не прошел бы через комсомол. Я очень благодарен всем людям, с которыми в ту пору встречался и у которых учился.

Особенно запомнились командировки в военные округа. В ЦК ВЛКСМ тогда работал Алексей Михайлович Королев, заведующий военно-оборонным и спортивным отделом. Он часто приглашал меня в поездки по военным частям. Помню, мы в течение почти двух недель объезжали и облетали места базирования Тихоокеанского флота. Несколько раз с нами был командующий флотом адмирал Фокин. Когда мы подходили к кораблю, представитель командования докладывал ему о построении личного состава, а он говорил: «Отставить. Докладывайте представителю ЦК комсомола». Фокин понимал, что мы еще молодые люди, мало что сделали по сравнению с ним. Но своим поведением давал понять и нам, и морякам, сколь большая надежда возлагается на молодое поколение.

В 1961 году в связи с кончиной председателя Госсовета Германской Демократической Республики Отто Гроттоволя, а это был известный социал-демократ, примкнувший к социалистическому лагерю, Верховный Совет СССР объявил двухдневный всесоюзный траур. Такова была тогда солидарность между нашими странами. Но в тот же день Сергей Павлов отправил секретаря ЦК ВЛКСМ Лена Карпинского и меня в Магнитогорск, столицу металлургов всего СССР. Что там происходило? В день всесоюзного траура в городском парке был заранее запланирован вечер танцев. Молодежь промышленного города ожидала этого события, отдохнуть хотелось всем. А тут танцы отменяют. Почему? Местные ребята решили по-своему: танцам быть! И произошло столкновение молодых рабочих с милицией. Мы с Леном Карпинским целую неделю разъясняли, убеждали, отвечали на вопросы и претензии. Оставались, конечно, на стороне молодежи. Чтобы не разжечь костер непонимания, проводили встречи в разных коллективах, о многом беседовали. Позже я не раз бывал в Магнитогорске, общался и с теми горячими ребятами, но мы и дальше были с ними в одном строю.

Подчас комсомольцев того времени представляют этакими «роботами», слепо выполнявшими партийную волю. Это ошибочное представление. Молодость сглаживала многие политические шероховатости. Время было яркое, с приключениями, богатое на выдумки, всякие хохмы, ведь мы были в той поре, когда хотелось радоваться, так вот эта жизнь была полна и розыгрышей. «Разводить» друг друга мы не только любили, но и соревновались в этом искусстве.

Об управделами ЦК ВЛКСМ Тигране Григоряне ходили легенды. Это был очень энергичный и способный человек. Всегда непоколебимо стоял на своих профессиональных позициях и в ходе подготовки к важным мероприятиям доходил до пика напряжения. Иногда ребята над ним подшучивали. Как-то Борис Моздухов, куратор комсомольских организаций Москвы, изменив голос под узбекского комсомольского лидера, позвонил Тиграну: «Только что из Ташкента прибыл состав с баранами для разнообразия меню делегатов молодежного фестиваля. Организуй разгрузку». И Григорян, привыкший все исполнять сразу, тут же направил на вокзал людей. И только потом понял, как его жестоко разыграли. Можно представить себе его реакцию!

Молодых работников ЦК комсомола, выходцев из самых разных концов страны, подключали к организации подготовки важных государственных и общественных мероприятий. Никогда не забуду, как на одном из них не сдержал слез Л.И. Брежнев. Это была очень естественная человеческая реакция. А дело было так. В 1963 году во Дворце пионеров на Ленинских горах в Москве проходила встреча с комсомольцами, в том числе с теми, кто участвовал в

выполнении важных интернациональных задач. И вот на трибуну поднимается парень с костылем, ему в Алжире при ликвидации мин, оставшихся после войны, оторвало ногу. Напомню, Алжир настойчиво добивался независимости от Франции, каждый третий алжирец погиб в той войне, а потом наши молодые ребята помогали ликвидировать последствия военной поры. Вот этот парень-сапер и пострадал. Когда он начал рассказывать, что и как там происходило, зал замер. Мужество наших ребят в далекой стране потрясло всех. Леонид Ильич, выслушав, не выдержал, вышел за кулисы и там закурил, чтобы унять волнение. Он, фронтовик, не мог сдержать нахлынувшие эмоции. А потом дал указание помочь всем пострадавшим ребятам, нуждавшимся в медицинской поддержке.

Совсем по-другому вел себя Хрущев. Помню, как в 1960 году в Воронеже, центре российского Черноземья, проводили очередное всесоюзное совещание после сбора урожая. Вел его сам Никита Сергеевич. А как известно, в те годы у него была навязчивая идея: кукуруза везде – от юга до севера! И вот в президиуме сидит руководитель великой державы, другие ответственные товарищи. А на трибуну выходит секретарь Пензенского обкома партии Сергей Михайлович Бутузов, очень образованный и успешный руководитель области. Он рассказал о собранном урожае, в том числе о кукурузе, и показал два початка. Хрущев тут же спрашивает: «А вес их каков?» Бутузов отвечает: «Где-то до 250 граммов». Помощник Хрущева Шевченко тут же хватя эти два початка, взвешивает и потом докладывает Хрущеву: меньше, нет 250 граммов. Как же вышел из себя мгновенно разбушевавшийся Хрущев! Начал кричать, унижать Бутузова, говорил всякие нелепости. Это тоже был урок жизни, только с негативной стороны – как нельзя поступать.

Руководитель такого уровня не должен опускаться до грубости, унижать собеседника. Это мы, молодые, понимали и учились, выполняя директивы, не теряя души и человеческого участия. Те, кто идет в политику, должны четко знать, что от них потребуется.

В международном молодежном движении

Тем временем страна переживала период, получивший название политической оттепели. Расширялись международные контакты СССР, в том числе по линии общественных и молодежных организаций. Естественно, в нашей среде рос интерес к этой сфере деятельности, тем более что комсомол активно наращивал свои международные связи. Несколько работников ЦК комсомола начали дополнительно изучать иностранные языки. Я учил английский, и, возможно, это стало одной из причин, по которой секретариат ЦК ВЛКСМ направил меня на работу в Комитет молодежных организаций СССР, отвечавший за внешнеполитическое направление деятельности комсомола. В 1962 году я стал его ответственным секретарем.

Прошло много десятилетий со времени работы в международном молодежном движении, прежде всего в Комитете молодежных организаций СССР. Хочу подтвердить: это была незаменимая жизненная школа. Пожалуй, лучшая.

Простые слова. Но это правда. Встречаясь уже в наши дни, мы, бывшие сотрудники Комитета молодежных организаций СССР, вспоминаем то время с огромной благодарностью.

В международное молодежное движение я вошел неожиданно-негаданно. Но тем не менее через главную дверь. Летом 1957 года вместе со студентами своего выпускного курса я был направлен на двухмесячные офицерские сборы в станицу Семашко Чечено-Ингушской республики. Но где-то через месяц получил уведомление, что включен в состав советской делегации на Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве. Более того – в состав политической группы, размещенной в главном здании МГУ имени Ломоносова. Мы и представляли нашу страну в большой политической программе фестиваля. Возглавлял ее Тамаз Джанелидзе, тогдашний первый секретарь комсомола Грузии.

С благодарным чувством вспоминаю Сергея Калистратовича Романовского, первого председателя созданного в 1956 году Комитета молодежных организаций СССР. В шинели фронтовика, с боевыми наградами Романовский поступил после войны в Институт международных отношений в Москве. Позже незаурядные личные качества вывели его на переднюю линию политической и дипломатической деятельности.

Я познакомился с Романовским летом 1957 года, на Московском молодежном фестивале. А через два года, когда Всемирный фестиваль молодежи принимала Вена, Романовский пригласил меня туда в качестве своего помощника. К тому времени я уже был ответственным работником ЦК ВЛКСМ. Так что в Вене мы находились в самой гуще событий.

Знакомство и совместная работа с Романовским позже переросли в дружбу. Много лет спустя я уже в качестве члена Политбюро ЦК КПСС и председателя Комитета по международным делам Верховного Совета СССР приезжал в Мадрид на съезд правящей социалистической партии. Там находился и Романовский – в те годы он был очень успешным послом нашей страны в Испании.

Сменил Романовского в Комитете молодежных организаций Петр Николаевич Решетов. Человек уральской крепости духа, волевой, с неиссякаемой способностью вникать в суть вопросов, уважающий чужое мнение, лишенный чиновничьих привычек. Порядочный и надежный во всем. Своей работой Решетов подтвердил, что у Комитета молодежных организаций сильные лидеры. Позже его направили на работу в Гостелерадио, на смену легендарному Энверу Назимовичу Мамедову. И в журналистской среде Решетов оставил самые добрые воспоминания о себе.

С Петром Николаевичем мы никогда не были в формальных отношениях. Ни тогда, когда он был моим руководителем, ни после того, как я входил в состав политического руководства страны. В 1990–1991 годах Решетова, как правило, приглашали на заседания секретариата ЦК КПСС, где я часто председательствовал. Простых повесток дня не было. Обсуждения прохо-

дили в дискуссионной, полемической форме. Иногда после долгих дискуссий я просил Петра Николаевича задержаться и продолжить разговор.

Назову еще несколько очень способных парней из молодежного движения моего времени. Это Владимир Яровой, Саша Лебедев, Валерий Кузнецов, Юрий Данилов, Владимир Ломейко, Виталий Миляев... Всех и не перечислишь.

В истории и общественном сознании устоялось емкое понятие: «шестидесятники». Символами 1960-х по праву являются Евгений Евтушенко, Роберт Рождественский, Андрей Вознесенский, Белла Ахмадулина и другие. Все они выходили на главные трибуны советских и международных молодежных форумов. Дружили, как и космонавты и молодые ученые, с молодежными лидерами, с секретарями ЦК комсомола С. Павловым, Е. Тяжельниковым, Б. Пастуховым.

Молодежи присущ свободный, свежий взгляд на политические вопросы. Это помогало нам, работая на международной арене, многое делать для объединения молодежных движений самых разных взглядов. Не только левых и социал-демократических. С нами в разных формах сотрудничали крупные молодежные движения стран Запада, причем уже в то время, когда там обострялась конфронтация с СССР. Международные молодежные форумы против ядерной опасности, конгрессы, посвященные борьбе за сохранение мира, были серьезным дополнением к общим усилиям нашего государства на международной арене.

В моих записных книжках и фотоархивах много материалов 1960-х годов. Постараюсь их сохранить и передать в архив истории советской молодежи, создание которого было бы полезным делом. Сейчас же расскажу о некоторых страницах деятельности КМО СССР с моим участием.

Первые же мои поездки за рубеж показали, что эта сфера деятельности отличается от всего, чем занимался раньше. Предстояла серьезная работа по изучению международного молодежного движения. Летом 1962 года меня направили от Студенческого совета СССР на конгресс Национального союза студентов Франции – ЮНЕФ. Эта организация стала своеобразной кузницей для многих поколений французских политиков и государственных деятелей. В котле ЮНЕФ переплавлялись представители французской молодежи разных убеждений, которые впоследствии становились министрами и даже возглавляли правительства своих стран. Через ЮНЕФ прошел и президент Франции Франсуа Миттеран.

На конгресс ЮНЕФ съехались гости из многих стран. Но политическая ситуация в мире была сложная, холодная война давала о себе знать. Нашу делегацию разместили в лицее под Парижем, и моим соседом оказался помощник германского канцлера Аденауэра по молодежным вопросам. Он был лет на пятнадцать старше меня, в молодости воевал в войсках рейха и несколько лет провел в плену под Саратовом. Вел он себя совершенно по-иезуитски – постоянно подсовывал мне сборник армянских анекдотов на русском языке, причем преимущественно политического характера. Но все же конгресс запомнился не этим, а присутствием там очень ярких молодежных лидеров из разных стран, которые впоследствии стали крупными, всемирно известными политиками.

1960–1970-е годы были наполнены жестким противостоянием двух мировых систем. Молодежное антивоенное движение было зеркалом того, что мир разделен: с одной стороны СССР и его союзники, с другой – США и страны НАТО. Во второй половине 1960-х годов произошла потрясающая вещь: молодежные движения социалистических и западных стран находили все большее взаимопонимание. Они были против роста ядерных вооружений, расширения военных баз, военных интервенций, как это было во Вьетнаме, и т. д. Вот почему бывшие лидеры тогдашних молодежных организаций, в том числе и из другого политического лагеря, стали руководителями своих государств и политических партий. Это Герхард Шредер, который долгое время был лидером молодых социалистов ФРГ. Это Жозе Мануэл Баррозу, который в течение десяти лет был председателем Еврокомиссии (2004–2014 гг.), а в молодые

годы возглавлял Союз студентов-маоистов Португалии. Известный польский политик, экс-президент Польши Александр Квасьневский был президентом Союза польских студентов. Фейсал Микдад, ныне первый заместитель министра иностранных дел Сирии, был секретарем Международного союза студентов, очень влиятельной по тем временам молодежной организации. Можно привести еще десятки фамилий нынешних политиков, известных и авторитетных, которые прошли школу становления в различных молодежных организациях.

Куба небольшая страна, но большая в современной истории

Шел 1963 год, когда мне предложили возглавить группу из трехсот молодых советских специалистов, отправлявшихся в длительную командировку на Кубу. Это решение было принято Центральным комитетом КПСС. Задачи перед нами были поставлены весьма ответственные. Наша группа должна была помочь кубинскому руководству провести административно-территориальную реформу и одновременно предоставлять консультации по самому широкому кругу вопросов – от экономического планирования и внешнеэкономической деятельности до размещения трудовых ресурсов и проектирования дорог.

Советско-кубинские отношения после Карибского кризиса на какое-то время ухудшились. Считалось, что, выведя свои ракеты с Кубы, СССР едва ли не предал кубинскую революцию. Но кубинский народ выбрал совершенно новый для страны социалистический путь развития, и поэтому советский опыт был для него крайне важен, специалисты из СССР ценились очень высоко. Нам предстояло закрепить это взаимное тяготение друг к другу, помогать процессу возвращения советско-кубинских отношений в традиционное дружеское, доверительное русло.

Отношения СССР и стран Запада тоже были осложнены Карибским кризисом. Гражданской авиации СССР было запрещено летать над территорией европейских стран, поэтому беспосадочные 14-часовые рейсы между Москвой и Гаваной выполнялись над Гренландией и Северным полярным кругом. Их совершали самолеты двойного назначения, типа Ту-114, – в советских Вооруженных Силах они использовались как стратегические бомбардировщики, а в гражданской авиации – для дальних перелетов. Потом, находясь в длительной командировке на Кубе, я несколько раз прилетал в служебные командировки из Гаваны в Москву именно на таких самолетах. Трансполярные перелеты были настолько сложны, что иногда экипаж возглавлял сам Витковский – Герой Советского Союза, руководитель отряда правительственной авиации СССР. Помню, мы подружились, и я даже подарил ему своего попугая, приобретенного на острове Пинос. На борту Ту-114 я встретил своего земляка, уроженца Осетии Александра Николаевича Агнаева, высокопрофессионального летчика, который посвятил меня в некоторые тайны самолета стратегической авиации Ту-114. Огромная машина принимала на борт на этом необычном маршруте всего сорок человек, включая пассажиров и членов экипажа. Остальное пространство было занято топливом. Его должно было с запасом хватить на всю дорогу.

По понятным причинам попасть на Кубу по воздуху наша многочисленная группа не могла. Было решено, что через океан нас перевезет не океанский лайнер, а морской теплоход «Байкал», приписанный к Дальневосточному пароходству. На нем мы и вышли в Гавану из Ленинградского морского порта.

Во время путешествия Атлантику штормило. От морской болезни страдали все. Я заметил, что некоторые члены делегации, молодые экономисты и агрономы со Ставрополя или с Кубани, первый раз в жизни вышедшие в море, переносят качку легче, чем люди, прошедшие морскую службу. Мне, как руководителю группы, надлежало быть в форме, невзирая на любые капризы стихии. Поэтому по совету бывалых моряков я каждое утро съедал две-три тарелки борща, выпивал коньяку, и это помогало относительно спокойно переносить качку.

Меньше года прошло после окончания Карибского кризиса, когда мир находился в двух шагах от ядерной катастрофы. Кроме того, 1963 год – это год убийства президента США Джона Кеннеди. Оно вызвало новые осложнения в советско-американских отношениях и острейшую конфронтацию между США и Кубой. В любом случае, хотя к тому времени конфликт, связанный с размещением советских ядерных ракет на Кубе, разрешился благоприятно и для СССР,

и для США, инерция подозрения в отношениях между двумя странами оставалась огромной. И вдруг в этой ситуации к берегам Кубы плывет советский теплоход, непонятно с кем или с чем на борту. За два дня до прибытия в Гавану над нами уже летали американские самолеты, сначала на больших высотах, затем спускаясь все ниже, а в конце и вовсе на бреющем полете.

Много лет спустя могу сказать, что «Байкал» действительно вез в Гавану «особо важный груз». Но он никак не был связан с оружием или чем-то подобным. Моя каюта находилась рядом с капитанской. Как руководитель советской делегации, я знал, что за стеной точно в такой же каюте на Кубу вместе с пятилетним сыном возвращаются сестра Фиделя Кастро Алиса и ее муж. Мне сказали об этом, когда «Байкал» уже покинул Ленинградский порт. В Советском Союзе супруги учились в консерватории, а когда обучение подошло к концу, возник вопрос, как им вернуться на родину. Разумеется, лететь через полярный круг, да еще с пятилетним ребенком, было нельзя, поэтому возник вариант с «Байкалом». Чтобы сделать путешествие родственников кубинского лидера максимально безопасным, все держалось в строжайшей тайне.

На Острове свободы нашу делегацию ждали – в порту Гаваны, куда в пять часов утра причалил «Байкал», собрались тысячи людей. Я готовился к этой встрече, поэтому во время океанского путешествия старался заучить на испанском языке свою речь на митинге по прибытии в Гавану. Один из советских дипломатов, Михаил Кудрин, написал потом в своих мемуарах, что мое выступление без переводчика всех удивило.

Но на Кубе владение испанским требовалось не только для произнесения речей и повседневной координации деятельности советской группы. Я имел и другое, может быть, более важное, негласное поручение – установить от имени ЦК ВЛКСМ доверительные и добрые отношения с представителями руководства авторитетной и очень влиятельной общекубинской молодежной организации «Хувентуд Ребельде», в частности с третьим человеком в политической иерархии Кубы Джулио Эглесиасом. В отличие от других ярких представителей окружения Кастро, например аргентинца Че Гевары, Эглесиас родился и вырос на Кубе, был, что называется, коренным кубинцем, и это немало способствовало его популярности, особенно среди молодых кубинцев. Считалось, что при определенном стечении обстоятельств Эглесиас мог оказаться на самом переднем крае руководства Кубы. Подобные расчеты имели под собой основания: покушения на Фиделя Кастро происходили тогда столь часто, что быстрое выдвижение молодежного лидера на первую позицию в стране действительно было вероятным.

Наши встречи с Джулио, другими членами его организации, представителями кубинского руководства проходили в неформальной обстановке, после работы, причем часто я не брал с собой даже водителя: в полночь мог выехать из посольства, а под утро оказаться на другом конце острова. Все это укладывалось в динамизм и практику политической жизни на Кубе. Вскоре моим личным водителем по распоряжению Эглесиаса стал капитан Ривейра, очень надежный человек и, как мне говорили, один из лучших офицеров кубинских спецслужб. С ним мы исколесили всю Кубу.

Надо признать: строгим требованиям дипломатического протокола мое поведение не соответствовало, и это вызвало замешательство у представителей советской контрразведки на Кубе. Известно, что спецслужбы многих стран контролируют поведение своих дипломатов за рубежом. Разумеется, занимались этим и в нашем посольстве в Гаване. Скоро в Москву пошли шифровки, в которых говорилось, что Дзасохов якобы ведет себя «неправильно». Однако там данное мне поручение считали весьма важным, поэтому соответствующим сотрудникам при посольстве порекомендовали «не распространять на Дзасохова режим наблюдения».

Впоследствии я не раз замечал за собой слежку и в других странах. Правда, занимались этим специалисты уже с другой стороны «железного занавеса». Сегодня могу сказать: под «крышей» Комитета молодежных организаций СССР действительно работали представители советской военной разведки и государственной безопасности, хотя это были единичные слу-

чаи. Очевидно, меня принимали за одного из них. Потом я узнал от коллег из КГБ, что мои передвижения по миру детально отслеживались и что сразу несколько западных спецслужб вели собственные досье на Александра Дзасохова. Одни считали меня офицером Главного разведывательного управления Советской армии, другие – высокопоставленным сотрудником КГБ. Понимаю зарубежных рыцарей плаща и кинжала. В странах, которые я посещал, шла национально-освободительная борьба или уже начиналось строительство независимой государственности. Причем и СССР, и США, и бывшие доминионы стремились упрочить в них свое влияние – часто в острой (явной или более скрытой от посторонних глаз) борьбе друг с другом.

Самое яркое впечатление, оставшееся у меня от первой командировки на Кубу, – это незаурядные люди, с которыми мне посчастливилось познакомиться там довольно близко. Причем как с кубинцами – молодыми революционерами, взявшими на себя ответственность за судьбу страны, так и с моими соотечественниками.

Послом СССР на Кубе был Александр Иванович Алексеев. Об этом человеке хочу сказать особо. Полагаю, что наше общество, историческая наука и даже художественная литература в большом долгу перед выдающимися представителями советской дипломатической службы. До сих пор написано очень мало ярких, правдивых повествований о талантливых дипломатах советского периода. Есть неплохие книги о дипломатах Российской империи: о Горчакове, Меншикове, графе Орлове. Это хорошо. Но советские дипломаты, находившиеся на переднем крае острейшей политической борьбы, составившие целую эпоху в истории внешней политики нашей страны, не получили пока должного внимания. Александр Алексеев – один из таких людей. Профессиональный разведчик, прошедший гражданскую войну в Испании, он был близким другом Фиделя Кастро. Познакомились они в Мексике, и надо полагать, не случайно. Фидель прибыл туда после неудачного штурма казарм Монкада и именно там готовил кубинскую революцию. После ее победы Алексеев приехал на Остров свободы, занимал должность атташе по культуре советского посольства, оставаясь в действительности намного выше своего официального положения. Нашим послом на Кубе был тогда профессиональный дипломат Сергей Кудрявцев, но у него не сложились отношения ни с Фиделем Кастро, ни с другими членами кубинского руководства. Для того чтобы связаться с Москвой, Кастро чаще обращался к Алексееву, чем к Кудрявцеву, и в конце концов это заметил Хрущев. Весной 1962 года Алексеева вызвали в Москву и сказали, что советское посольство на Кубе возглавит он. В Кремле решили, что нашим послом должен быть человек, который сможет тесно работать с Фиделем. Так советский разведчик, имевший за плечами насыщенную событиями биографию, при помощи Фиделя Кастро стал советским послом на Кубе.

Алексеев был очень ярким человеком, профессионалом высшей пробы. Я сразу же поразился его умению безошибочно анализировать происходящее с государственных позиций, выделяя самое главное из огромного потока поступающей в посольство информации. Это был человек высокой самоорганизации, сильной воли. Он мог не спать сутки, но заставить себя, чтобы передохнуть, уснуть на пятнадцать минут. Могу сказать, что я пользовался доверием и уважением Алексеева и платил ему тем же. Несмотря на тридцатилетнюю разницу в возрасте, общая работа нас сблизила, и к советскому послу на Кубе я относился как к старшему брату. Кубинцы в шутку называли нас Алехандро-старший и Алехандро-младший.

На Кубу я приехал с отличной командой специалистов. Она с честью выполнила свою задачу. С большой симпатией вспоминаю Владимира Бондарчука, блестящего организатора, позже работавшего торгпредом СССР на Кубе. Иван Ушачев стал академиком и вице-президентом ВАСХНИЛ, Василий Громов – советским послом в ряде латиноамериканских стран, Геннадий Глоба – руководителем торгового представительства СССР в Японии. Этот список можно продолжать.

Наша деятельность предполагала регулярные встречи и совещания с кубинским руководством, в том числе с Фиделем Кастро. Кубинский лидер особенно ярко проявлял себя, когда оказывался в гуще людей, выступал в качестве публичного политика. Каждый год 13 марта кубинцы отмечали годовщину нападения членов студенческой организации «Революционный директорат» на дворец диктатора Батисты. Это было одно из первых революционных выступлений на Кубе, и закончилось оно неудачно. В 1960-х годах в этот день в здании Гаванского университета обычно проходило многочасовое, очень живое общение Фиделя Кастро со студентами. На огромной университетской лестнице собирались тысячи, а то и десятки тысяч человек. Там, а также и во многих других местах я имел возможность оценить политическое мастерство кубинского лидера. Каждый раз Фидель приезжал на встречи со студентами не из своего рабочего кабинета, а откуда-то из провинции, с тростниковой плантации или фермы, из порта или с табачной фабрики, где делают знаменитые кубинские сигары. Он всем своим видом подтверждал, что постоянно находится среди своего народа, живет его жизнью и интересами. Это давало огромный политический результат.

Фидель Кастро настолько доверял Алексееву и уважал его, что не раз, вопреки правилам государственного протокола, бывал в посольстве СССР и подолгу увлеченно беседовал с военными специалистами и политическим ядром дипмиссии, в состав которого входил и я, как представитель советского комсомола.

В моих архивах есть рукопись под названием «Неизвестный Дзасохов». Ее автор – генерал-лейтенант КГБ Евгений Трофимов, работавший в 1960-х годах на Кубе. В своих воспоминаниях он пишет: «Мое первое знакомство с Дзасоховым произошло в 1963 году. Я находился тогда на службе на Кубе...»

Воспроизведу только часть этих воспоминаний.

«...По далеко не случайному стечению обстоятельств Дзасохова разместили в Санта-Марии, в доме рядом с загородной резиденцией Чрезвычайного Посла СССР на Кубе Александра Алексева, которая находилась в двух шагах от особняков политического руководства Кубы. Несмотря на внушительную разницу в возрасте (около 30 лет), два Александра – Алексей и Дзасохов – вскоре не просто установили рабочие отношения, а по-человечески сдружились. В шутку их стали называть Алехандро-старший и Алехандро-младший, что вызывало у меня, откровенно говоря, некоторую тревогу. Проблема заключалась в том, что Алексей, сегодня об этом уже можно говорить, был резидентом советской разведки. Постоянные контакты двух Алехандро не могли оставаться незамеченными, а в мою задачу, и об этом сегодня тоже можно говорить, входила, в частности, негласная охрана Дзасохова от чрезмерно любопытных глаз и ушей...»

Когда спустя 14 месяцев Дзасохов окончательно возвращался в Москву, я стал свидетелем его прощания с Алехандро-старшим. Тот обнял Алехандро-младшего и сказал: “Все сделано блестяще!” Признаюсь, я с облегчением смотрел вслед уходящему в небо самолету. Мои попытки с постоянно фонтанирующим какими-то трюками подопечным растворились в небе вместе с этим самолетом».

Человеком номер два на Кубе был Эрнесто Че Гевара. Его портреты висели рядом с портретами Фиделя, причем на такой же высоте. Каким он воспринимался тогда? По гражданству аргентинец, по профессии медик, всей своей жизнью Че Гевара доказал, что дух сильнее плоти. Я был хорошо знаком с Эрнесто. Помню поездки в провинцию Санта-Люсия, где находятся крупнейшие кубинские хромовые и никелевые месторождения. У «команданте Че» не было выходных, и он, по-моему, даже не понимал, что это такое. В воскресенье, когда кубинские политики отправлялись в провинцию на рубку сахарного тростника, Че Гевара тоже находился там. У него была астма, но он старался никак не показывать этого. Даже в жаркий кубинский полдень на тростниковых плантациях невозможно было понять, что этот человек страдает

каким-то физическим недугом. Надо было видеть его глаза – всегда приветливые, улыбчивые, но одновременно мужественные и глубокие. Он имел колоссальную силу воли.

Год спустя я встретился с Че Геварой в Алжире на конференции Движения неприсоединения. Эти форумы собирали руководителей государств и правительств, представлявших огромный постколониальный мир – более ста стран. Я находился там в качестве советского представителя в Международном комитете по подготовке IX Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Че Гевара рассказывал, как его критикуют за трактовку партизанской войны. Особенно его возмущали обвинения в маоизме. Он был слишком самостоятельным, чтобы считать себя последователем Мао Цзэдуна. «Вы скажите в Москве, что я ни у кого не заимствовал свои идеи; отношение к партизанской войне – мое внутреннее убеждение. Латинская Америка должна быть освобождена от олигархов и латифундистов, и партизанская борьба – лучшее средство для этого», – говорил Че Гевара.

В следующий раз я попал на Кубу только в 1967 году. Тогда я был первым заместителем председателя Комитета молодежных организаций СССР. В Гаване открывалась конференция Организации солидарности народов Латинской Америки. Такого рода мероприятия, проводившиеся раз в два-три года, предоставляли континентальную трибуну для политических партий и лидеров стран Латинской Америки левой ориентации. Сначала в Москве решили, что нашу делегацию в Гаване возглавит первый секретарь Компартии Белоруссии Петр Машеров. Потом вместо него предложили кандидатуру первого секретаря Компартии Узбекистана Шарафа Рашидова. Но в конце концов вместо них на конференцию поехал я.

Сейчас мне абсолютно ясно, почему так произошло. Кастро и его соратники в то время были весьма критически настроены по отношению к высшему руководству СССР, причем выражали свои взгляды открыто. В Гаване считали, что Советский Союз предаст революционную Кубу и что началось это с Карибского кризиса, когда Москва вывела с Кубы ядерные ракеты. Позже, утверждал Кастро, Советский Союз не сдержал свои обещания о поставках на Остров свободы жизненно важных товаров, прежде всего продовольствия и нефтепродуктов. Более того, СССР не закупал в ранее оговоренных объемах кубинский сахар, чем, как полагал Фидель, вгонял в кризис кубинскую экономику, во многом основывавшуюся на сахарном экспорте.

Нельзя было не видеть, что советско-кубинские отношения серьезно испортились. Направить в этих условиях в Гавану высокопоставленного государственного деятеля Москва не могла. Положение осложняли идеологические разногласия. В СССР считали, что позиция Кубы и ряда латиноамериканских стран создает сложности в осуществлении политики разрядки и мирного сосуществования двух мировых систем. В Кремле в то время охладели и к Движению неприсоединения. Советское руководство пыталось улучшить отношения с Западом и в какой-то степени отдалялось от старых друзей и союзников из так называемого третьего мира.

Но означало ли все это бесповоротный отказ от сотрудничества с Кубой, с освободительными движениями в Латинской Америке, как пытались представить дело в Гаване? Полагаю, что нет. Разумеется, изменения, произошедшие в советской внешней политике после Карибского кризиса, не могли не сказаться на наших экономических и других связях. Но спад в отношениях наступил не навсегда. И важно было уметь ждать. Так и случилось. Москва и Гавана сегодня вновь стратегические партнеры.

В общем, в Гавану вместо кандидатов в члены Политбюро было решено направить Дзасохова как заместителя председателя Комитета молодежных организаций СССР. Вся советская делегация состояла из двух человек – меня сопровождал старший научный сотрудник Института Латинской Америки Сергей Семенов. На Кубе к нам прикрепили заведующего отделом ЦК Кубинской компартии Хосе Родригеса, который повсюду был рядом и показал себя убежденным сторонником укрепления советско-кубинских связей.

Заседания конференции проходили в гаванском кинотеатре имени Чарли Чаплина, вмещавшем две с половиной тысячи человек. На конференцию приехали все лидеры коммунистического движения стран Латинской Америки. В президиуме, среди многих других лиц, Фидель Кастро, первый секретарь Компартии Уругвая Родней Арисменди, лидер чилийских коммунистов Луис Корвалан. Вот слово берет Кастро и обрушивается с острой критикой на руководство СССР. Его выступление то и дело прерывается аплодисментами. Огромный зал встает. И только Арисменди и Корвалан сохраняют невозмутимость. Я, разумеется, тоже не вставал и не аплодировал. В это время на меня были направлены сотни, если не тысячи глаз, и в моем положении оставалось только одно: сохранять самообладание, не поддаваться эмоциям и точно фиксировать происходящее. Я наблюдал за Корваланом и Арисменди. Своим спокойствием и даже некоторой отрешенностью от происходящего они, как мудрые, опытные политики, показывали, что до разрыва дело не дошло, что мосты, связывающие Советский Союз с его союзниками в мире, достаточно прочны и что тучи, временно закрывшие небо Гаваны, рассеются.

Вместо запланированных пяти дней конференция продолжалась три недели, в течение которых мы с Семеновым безвыездно жили в гостинице «Гавана-Либра». Кубинское руководство затягивало закрытие конференции, ожидая, как потом выяснилось, что в Гавану вот-вот прибудет Че Гевара, отправившийся несколькими месяцами ранее организовывать партизанскую борьбу в Боливии. Появление Че Гевары должно было воодушевить собравшихся, придать новую энергию антиимпериалистической борьбе. Так и случилось бы. Но тогда еще никто не знал, что «команданте Че» схвачен в боливийских джунглях, его подвергают жесточайшим пыткам и скоро казнят. Для меня он остался человеком-легендой. Уверен, что его имя переживет века.

Впечатления от пребывания на Кубе в сложный период ее истории, сразу после Карибского кризиса, встречи со многими политиками и военачальниками Кубы и теперь живут в моей памяти и сердце.

В рукописи этой книги уже была поставлена точка, когда весь мир узнал о кончине выдающейся личности, команданте Фиделя Кастро Рус. Я вернулся к тексту и добавил: «Время безвластно над его именем. Появятся новые биографы, будут споры о его взглядах и поступках. Придут времена, когда в его честь будут названы города, площади, корабли. Может быть, будущие поколения станут говорить, что Куба – это страна Хосе Марти и Фиделя Кастро».

Сейчас я отступлю от хронологического принципа изложения событий. Дело в том, что командировка на Кубу в августе 1967 года стала для меня последней по линии Комитета молодежных организаций СССР. Завершилась моя комсомольская работа, деятельность в КМО и молодежном движении в целом. «Не расстанусь с комсомолом, буду вечно молодым» – эти слова хороши в песне. Но рано или поздно приходит время переходить на другую работу. На своем примере хочу показать, как в СССР подбирались кадры. В начале 1967 года меня, видимо, «высмотрели» и взяли на учет. Одно за другим я получил два серьезных поручения.

Кубинской поездке на конференцию Организации солидарности народов Латинской Америки, о которой я рассказал выше, предшествовала командировка в Каир. В июне 1967 года, в ходе так называемой Шестидневной арабо-израильской войны, Египет потерпел поражение. Обстановка в Каире была накалена. В стране царил антисоветская истерия. На непрекращающихся митингах говорили о якобы ненадлежащей подготовке к войне по вине советских военных советников – с явной попыткой возложить ответственность на нашу страну. Именно в эти дни, когда разгорались политические страсти, в Москве было принято решение отправить делегацию в Каир. Было понятно, что впереди очень нелегкие выступления перед большими группами протестующих, многочисленные встречи, острые дискуссии. Делегацию возглавлял депутат Верховного Совета СССР, секретарь ЦК Компартии Узбекистана Рафик Нишанов. Состав делегации был сильным, в нее входил, например, первый заместитель председателя Гостелерадио СССР Энвер Н. Мамедов, талантливый политик и полемист, полити-

ческий обозреватель газеты «Правда» Спартак Беглов и др. Дискуссии и выступления перед «улицей» – занятие достаточно серьезное и рискованное. Толпа может понять и поддержать, но может и снести – в прямом и переносном смысле – на обочину политики. По общему мнению, основная тяжесть работы выпала главному муфтию Духовного управления мусульман Советского Союза Зиауддину Бабаханову и мне как представителю Комитета молодежных организаций СССР. Бабаханов ежедневно проводил молитвы в знаменитой мечети Аль-Азгар в Каире, а потом выступал перед верующими. Он делал очень много для восстановления доверия между двумя народами. Возможно, такое было бы не под силу иному крупному политику или дипломату. А я встречался с тысячами молодых офицеров и бойцов египетской армии.

Помню, как недалеко от Каира, в Сахара-Сити, собралось около трех с половиной тысяч египетских военнослужащих – раздосадованных поражением, в запальчивом настроении. Мне же предстояло подняться на трибуну и защищать позицию моей страны, находить аргументы, верные слова и выражения.

Недружественные настроения в Египте уходили. Наша делегация, видимо, внесла свой скромный вклад в это важное дело. Ситуацию уверенно взял под контроль Насер, первый президент Египта. На гребне народного недовольства после поражения в войне с Израилем он, как известно, заявил о намерении уйти в отставку. В ответ египтяне по всей стране вышли на улицы, требуя от Насера остаться лидером народа и президентом страны.

Ясуси Акутагава: великий музыкант и политик

16 сентября 1964 года в Кремлевском Дворце съездов состоялось открытие Всемирного форума солидарности молодежи и студентов «За национальную независимость, свободу и мир». Накануне в десятках стран на разных континентах прошли массовые мероприятия в поддержку Всемирного форума в Москве. Во многие страны были направлены делегации Комитета молодежных организаций СССР (читай: ЦК комсомола по решению ЦК партии).

Мне предстояло отправиться в Токио. Там я должен был встретиться со всемирно известным композитором и дирижером Ясуси Акутагавой. Поездка не была связана с его музыкальной деятельностью. Надо было подробно и доверительно обсудить возможность личного участия Акутагавы в предстоящем форуме молодежи в Москве и объяснить, какое важное значение здесь придадут приезду японской делегации. Акутагава возглавлял молодежное крыло социалистической партии Японии, которая в 1960-х годах была, пожалуй, самой влиятельной в стране. Японские социалисты неизменно входили в руководство Социнтерна. Поэтому Акутагава пользовался большой известностью в молодежном мире.

Маршрут моего полета в Токио был оптимальным и позволял не засвечиваться. Сначала авиарейс Москва – Копенгаген авиакомпании SAS северным маршрутом (через Северный полюс). До Копенгагена я долетел благополучно, но потом возникли проблемы. Меня отказались регистрировать, сославшись на то, что есть ограничения для полетов по этому маршруту представителям некоторых национальностей. Спрашиваю: где об этом сказано? Приносят толстенный сборник текстов с подшитыми циркулярами. Там перечислены национальности, представителям которых (не гражданам государств) полеты северным маршрутом запрещены. Почему, до сих пор не знаю. Абсурд. Я заявил, что не принадлежу ни к одной из перечисленных в циркуляре национальностей. Сказал, что я осетин с Кавказа. В мыслях не допускал возможности, что важное поручение, ради которого лечу в Токио, сорвется. Помню, что я очень возмутился и, апеллируя к правам человека и международному праву, потребовал дополнительных объяснений. Сказал о своем праве самому выбирать рейс. На шум вышел командир другого авиалайнера. Он сказал, что возьмет меня на борт самолета, который летит в Токио другим маршрутом, не через Северный полюс. Я согласился. Маршрут предстоял достаточно замысловатый: Копенгаген – Цюрих – Афины – Тегеран – Таиланд – Сайгон и только потом Токио.

Командир экипажа предупредил, что до Афин я лечу как обычный пассажир, а дальше играю роль больного, лишённого возможности самостоятельно передвигаться. Во время промежуточных посадок все выходят, я же остаюсь на месте, накрытый одеялом. Пролетели Таиланд, в то время оплот американских ВВС. Далее летим в Сайгон, тогда еще столицу Южного Вьетнама, опорного пункта войны США против Северного Вьетнама.

Это путешествие особенно запомнилось. Сидеть, не двигаться, и только «чужие» аэропорты. А потом произошло нечто и вовсе мистическое.

В Токио мы должны были приземлиться в 06:05, после 14 часов полета с посадками. Но в токийском аэропорту была очень низкая облачность. Самолет делает круг и не приземляется. Заходит на второй и устремляется ввысь. В салоне все уже молятся, каждый своим богам. Я вспоминаю слова отца: «Хватит тебе уже мотаться по миру». Все ждут самого скверного развития событий.

С четвертой попытки самолет наконец приземлился. У трапа меня встретили Ясуси Акутагава, собкор «Комсомольской правды» Женя Русаков и еще человек пять японцев. С приветственными возгласами «Банзай!» вручили чашу японского саке.

В конце концов все завершилось успешно. В Москву на Всемирный молодежный форум прибыла солидная и активная делегация японской молодежи. Вместе с делегациями из десят-

ков других стран она имела возможность дискутировать по вопросам войны и мира, свободы и справедливости, расового и этнического равенства.

Переворот в Алжире. Футбол и политика

Мне везло на встречи с незаурядными людьми. Почти сразу после первой поездки на Кубу произошел новый поворот в жизни. Меня назначили советским представителем в Международном подготовительном комитете IX Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Алжире. Люди старшего поколения помнят, насколько важными для СССР и для мирового общественного мнения были эти фестивали. Весной 1965 года я отправился в Северную Африку.

Форум должен был начаться в сентябре. Работу подготовительного комитета патронировал лично Ахмед Бен Белла, первый президент Алжира, человек необычайно популярный в стране и во всем мире. Он был удостоен звания Героя Советского Союза. Такое же звание было присвоено первому президенту Египта Гамалю Абдель Насеру. Несколько раз в месяц Бен Белла лично проводил совещания, связанные с подготовкой фестиваля. На этих встречах обычно присутствовал человек десять – пятнадцать, в том числе и я. Так что алжирского президента мне довелось наблюдать довольно близко.

Будучи выдающимся политиком, он в своей жизни успел сделать многое. В молодые годы Бен Белла был студенческим лидером, а также лучшим игроком национальной сборной по футболу. Уже тогда его хорошо знали во Франции, поскольку Алжир в то время был подмандатной французской территорией. Бен Белла получил прекрасное университетское образование, всегда придерживался светских взглядов, в политике не шел на поводу у религиозного фундаментализма. Но судьба его сложилась печально. Как раз в июне 1965 года, когда мы готовили Всемирный фестиваль молодежи и студентов, Бен Белла был свергнут полковником Хуари Бумедьеном, тогдашним министром обороны Алжира.

Произошло это опять же на фоне футбола. В Алжир на матч с национальной командой прибыла сборная Бразилии, и Бен Белла, бросив все дела, отправился в средиземноморский город Оран, где должна была состояться игра. Алжирцы в тот день проиграли, а Бумедьен, воспользовавшись отсутствием Бен Беллы, совершил государственный переворот. Вот к чему может привести увлечение футболом, если речь идет о большой политике.

В стране немедленно ввели чрезвычайное положение, передвижение всех лиц, тем более иностранцев, было ограничено. Мы попали в сложнейшую ситуацию. Дело шло не только к срыву крупнейшей политической акции, каковой должен был стать фестиваль, но и к откату назад советско-алжирских отношений. Все разрушилось, работа остановилась. Но никто не растерялся, не запаниковал. Пример подавали старшие товарищи. Послом СССР в Алжире в то время был Николай Михайлович Пегов, в прошлом секретарь Президиума Верховного Совета СССР. Ровесник первой русской революции, он длительное время работал на ответственных партийных постах и в дипломатию пришел уже зрелым человеком. Был послом СССР в Иране и Индии, позже стал заместителем министра иностранных дел. Хотя прошли десятилетия, до сих пор вспоминаю о Пегове с искренним уважением. Его характер, выдержка, проявленная в острейших ситуациях, в том числе и тогда в Алжире, заслуживают самой высокой оценки.

Через несколько дней после переворота я был срочно вызван в Москву для доклада о том, что мне лично известно о происшедшем. Отчитывался в разных инстанциях. Отношение к случившемуся было настолько серьезным, что я должен был написать обстоятельную записку на имя Михаила Андреевича Сулова, «человека номер два» в стране. Сулов сам занимался изучением обстоятельств и причин алжирских событий – в Кремле их расценили как серьезный удар по нашим позициям в арабском мире и в Средиземноморье. Позже СССР выровнял отношения и с Бумедьеном. Но поначалу к перевороту в Алжире отнеслись с большой тревогой.

События в Алжире, смещение и арест президента Ахмеда Бен Беллы, не позволили провести Всемирный фестиваль молодежи и студентов в этой стране. Он состоялся, но не через два года, а позже, и прошел с большим успехом в Софии.

Бен Белла находился в заключении 10 лет, а может, и больше, пока Бумедьен не ушел из жизни. А потом новый президент Алжира Шадли Бенджедид разрешил Бен Белле уехать за границу, взяв с него обязательство не заниматься политической деятельностью. Довольно долгое время Бен Белла жил в Швейцарии и соблюдал эту договоренность; в конце 1980-х тот же Шадли Бенджедид разрешил ему вернуться на родину... Самое интересное, так иногда бывает, что за одну жизнь личность этого человека, обладавшего в мировоззренческом плане европейским образом мышления, или, точнее, «французским образом мышления», под тяжестью переживаний, связанных с политическим заключением и изгнанием с родины, трансформировалась. Бен Белла начинал политическую жизнь как светский алжирский гражданин, но в конце стал глубоко верующим мусульманином и ушел из жизни полностью погруженным в ислам, в мусульманскую веру. Ахмед Бен Белла навсегда останется в памяти героического алжирского народа.

Путешествие на Огненную Землю

Впечатления от встреч с яркими личностями XX века остаются в памяти и через много десятилетий. Они как подарки судьбы, которые всегда с нами. В феврале 1966 года делегация ВЛКСМ в составе секретаря ЦК Абдурахмана Везирова, меня, тогда заместителя председателя Комитета молодежных организаций СССР, и Льва Быстрова, сотрудника КМО, отправилась в Чили на съезд коммунистической молодежи. Путешествие неблизкое: из Москвы в Париж, затем в Дакар, оттуда в Буэнос-Айрес и только потом в Сантьяго-де-Чили. Лидером чилийской молодежи была Гладис Марин – пассионарный, очень популярный политик, член национального парламента. В ее жилах текла и индейская кровь, как и у Луиса Корвалана – генерального секретаря компартии Чили, человека из поколения коминтерновцев. Несмотря на молодость, Гладис Марин, как и Корвалан, была известна далеко за пределами Чили.

В больших университетских аудиториях, на молодежных митингах в Сантьяго-де-Чили успешно проходили выступления Абдурахмана Везирова. Я рассказывал о международных связях советской молодежи. Неизменные темы – солидарность с Кубой, с народом Вьетнама, единство молодежи в поддержке антивоенного движения. Все это было очень полезно.

Разместились мы в гостинице Emperador. В те же дни там жили футболисты сборной Бразилии, среди которых был легендарный Пеле. Мы обедали в одном ресторане. Пеле, как и вся бразильская команда воспринимались как звезды мирового уровня. У гостиницы собирались тысячные толпы болельщиков.

В один из дней чилийские товарищи пригласили нашу небольшую делегацию на стадион, причем на трибуне мы оказались рядом с Сальвадором Альенде, тогда сенатором и председателем Социалистической партии Чили. После матча состоялась наша беседа с С. Альенде и его близким соратником, генеральным секретарем Социалистической партии Родригесом. До сих пор явственно вижу лучезарный блеск глаз Сальвадора Альенде, устремленных в будущее, помню его слова, выражающие непоколебимую веру в демократическую революцию и возрождение судеб народов Латинской Америки.

Когда-то Сальвадор Альенде сказал, что после смерти на его надгробии напишут: «Здесь покоится сенатор, мечтавший стать президентом». В 1970 году в результате огромного доверия народа Сальвадор Альенде стал президентом Чили, что привлекло внимание всего мира. Помню пронзительную боль в сердце при известии о героической смерти С. Альенде от рук убийц из военной хунты Пиночета.

...С нашей гостеприимной и внимательной хозяйкой Гладис Марин мы отправились в провинцию Вальпарасио – к Пабло Неруде, великому поэту и мыслителю. Местечко, где он жил, называлось Исла Негра – «Черный остров». Там, на Тихоокеанском побережье, мы провели незабываемые два дня.

Дом Пабло Неруды оказался весьма необычным. На берегу океана возвышался деревянный корабль из массивных брусев. Можно было представить, что после долгих путешествий он окончательно бросил здесь якорь. Мудрым капитаном этого дома-корабля был сам Неруда. На потолке в кают-компаниии острым ножом были вырезаны имена современников, близких и дорогих хозяину этого необычного дома. Среди них советские писатели Илья Эренбург и Александр Корнейчук.

Пабло Неруда говорил о молодых советских поэтах и писателях, особо – о Евгении Евтушенко, о важности издания произведений современных советских литераторов на испанском языке. На столе преобладали блюда из кукурузы, и даже алкогольный напиток, как объяснил хозяин, был приготовлен из кукурузы. По вкусу он напомнил мне осетинскую араку.

Шел непринужденный разговор о разных цивилизациях и культурах. Пабло Неруда рассказал о своей роли в истории ЮНЕСКО – организации, удостоившей его звания Посла доброй

воли. Потом все вместе отправились на берег океана, где была установлена подзорная труба. В нее с большого расстояния можно было обозревать отдыхающих на пляже. Помню, что жизнерадостный и остроумный Неруда сказал нам: «Эй, парни, не на океан смотрите, а на мулаток!»

...За годы политической деятельности, сопровождавшиеся бесчисленным количеством встреч, я усвоил правило: даже если при знакомстве с человеком кажется, что больше никогда с ним не увидишься, зарекаться не стоит.

В Чили наша делегация имела основательную беседу с лидером чилийских коммунистов Луисом Корваланом. Он даже организовал прием в нашу честь. Неформальная обстановка дала возможность ближе познакомиться с политическими взглядами Л. Корвалана и его соратников. Мой разговорный испанский, освоенный за год пребывания на Кубе, пригодился, помогал включаться в дискуссию. Так что этот вечер закрепил наше знакомство. И через некоторое время оно продолжилось.

Новая встреча с Л. Корваланом произошла в Гаване – на конференции Организации солидарности народов Латинской Америки (ОЛАС) в августе 1967 года. Возможность встречаться почти каждый день с Л. Корваланом на этом форуме, продолжавшемся долгие две недели, была для меня очень важной, прежде всего для лучшего понимания острых дискуссий на конференции и, по сути, положения дел в странах Латинской Америки.

После прихода к власти генерала Пиночета Л. Корвалан был схвачен. Находясь в заточении, он стал, можно сказать, главным политзаключенным военной хунты. Его имя было на устах протестующего народа Чили, как и имя погибшего в результате жестоких пыток легендарного гитариста Виктора Хары.

В Москве, в Гаване, в Берлине (ГДР) и других столицах социалистических стран искали пути (открытые и закрытые) для того, чтобы вызволить Л. Корвалана из заключения. Хорошо помню, как проходили международные акции в его поддержку. И часто смысл был не в том, чтобы освободить лидера коммунистов Чили. Скорее, речь шла о его, Л. Корвалана, высокой репутации борца за справедливость. Человека, начавшего жизнь со стези учителя и имевшего репутацию глубокого интеллектуала.

В 1976 году академик Андрей Сахаров предложил обменять Луиса Корвалана на известного советского политзаключенного, диссидента Владимира Буковского. Многоходовая политическая сделка между Западом и Востоком состоялась. Обмен произошел на территории Швейцарии. В ту пору появилась частушка: «Обменяли хулигана на Луиса Корвалана».

Л. Корвалан прибыл в Москву. Церемония встречи проходила в здании Совета экономической взаимопомощи в центре Москвы. Главным с нашей стороны был секретарь ЦК КПСС Б.Н. Пономарев. Встречающих было 15–20 человек, в том числе и я. Состоялась эмоциональная беседа, рассказ о том, что было и что будет.

Все встречающие Л. Корвалана, вызволенного из застенков генерала Пиночета, ожидали, что увидят изможденного, измученного человека. Вовсе нет. Подтянутый, со своей знаковой улыбкой, не сломленный, с крепким рукопожатием, он предстал перед нами. Рядом со мной стоял Азиз Шефир, гражданин Ирака, лауреат Международной Ленинской премии мира, побывавший в качестве политзаключенного в иракской тюрьме. Он сказал мне: «Александр, посмотри, как Корвалан хорошо выглядит. Представляю, каким бы он был, если бы оказался в иракской тюрьме у Саддама Хусейна!»

Исторические события живут дольше, чем люди. Все годы после поездки в Чили, особенно в трагические пиночетовские годы, меня не покидал интерес к судьбе народа этой страны. Многое осталось в памяти. Думаю, что историки уже немало исследовали в событиях того времени, но многое еще будет изучаться. Лидер чилийской молодежи Гладис Марин, о которой я писал выше, прожила насыщенную жизнь. Она боролась и ждала, когда Чили избавится от тиранического режима. В 2005 году Гладис Марин ушла из жизни в возрасте 63-х лет. Президент Чили Рикардо Лагос объявил двухдневный общенациональный траур. Проститься с

легендарной женщиной пришло не менее полумиллиона человек. Ее провожали простые люди, соль земли, считавшие Гладис Марин самой последовательной сторонницей справедливости.

Между ЦК и МИДом

Считаю, что годы комсомольской работы, опыт международного молодежного движения – лучшая школа для будущего политика. Не менее важно будущему политику свято относиться к настоящей мужской дружбе. В нашем сообществе друзей в 1960-х годах, состоявшем из людей совершенно разных – по профессиям, характерам, национальностям, – были выходцы из Тбилиси, Владикавказа, Еревана, Баку, Ленинграда, Ростова-на-Дону, других городов. Спустя полвека могу подтвердить: все мы выделяли из своей среды Евгения Примакова как талантливого и надежного человека. Он никогда не важничал, хотя позднее достиг больших высот в политике и науке. Никогда, ни при каких обстоятельствах не бросал друга в беде. Политическую карьеру мы начинали с ним одновременно на «восточном направлении». Он был корреспондентом «Правды» на Ближнем Востоке, много публиковался, одновременно занимался серьезными научными изысканиями в сфере международных экономических отношений. А я, после очень интересной работы в КМО, перешел в Советский комитет солидарности стран Азии и Африки. Там наши с Примаковым дороги сошлись еще ближе. Мы прошли вместе многие горячие точки, побывали в непростых ситуациях во время гражданской войны в Ливане, оказались свидетелями радикального экстремизма на Ближнем Востоке.

В руководстве Советского комитета солидарности стран Азии и Африки я работал с 1967 по 1986 год. Спустя много лет могу сказать, что и при самом взыскательном отношении к тем годам работа в комитете была, пожалуй, наиболее интересной частью моей политической биографии. Я не чувствовал никакой моральной усталости; занимались мы проблемами очень крупными, связанными с обретением независимости и суверенитета бывшими колониями. Аппарат в комитете был небольшим: 50–60 человек. Я всегда был против создания громоздких бюрократических структур: с отделами, подотделами, секторами. Ведь главное – не количество людей, а понимание сути стоящих перед организацией задач. При этом кое-кто считал наш комитет едва ли не вторым министерством иностранных дел. Некоторые посетители, приезжая на улицу Кропоткинскую (сейчас она называется Пречистенка), ожидали увидеть высокое современное здание и очень удивлялись, когда их фантазии разбивались о двери небольшого московского особняка, каких много в центре столицы.

Интересно и поучительно то, что мы в своей работе опирались на академические институты международного профиля – институты Африки, востоковедения, Дальнего Востока, Латинской Америки, мировой экономики и международных отношений и др. Сила нашего комитета заключалась в том, что вокруг него аккумулировался незаурядный интеллектуальный актив: разносторонние, энергичные люди с самыми разнообразными связями и интересами – экономисты, историки, юристы, дипломаты. В деятельности комитета принимали активное участие известные поэты, писатели, общественные деятели: Мирзо Турсун-заде, Мирза Ибрагимов, Чингиз Айтматов, Расул Гамзатов, Борис Полевой, Анатолий Сафронов, Андрей Дементьев, Роберт Рождественский, Римма Казакова. Среди ученых-международников особенно запомнились Ростислав Александрович Ульяновский, Георгий Федорович Ким, Анатолий Андреевич Громько, Василий Григорьевич Солодовников. С особой теплотой вспоминаю Георгия Кима, впоследствии члена-корреспондента АН СССР, руководившего всемирно известным Институтом востоковедения. Георгий Федорович обладал широчайшей эрудицией, понимал тончайшие нюансы политической жизни Востока. Это очень помогало нашему комитету в повседневной работе. Добрый, отзывчивый, сердечный человек, никогда не расстававшийся с чувством юмора, он был душой нашего общения. Нередко мы втроем – Примаков, Ким и я – отправлялись на многочасовые пешие прогулки на Ленинские горы, в район МГУ. Там проходили наши доверительные беседы, острые дискуссии о мировой политике, о судьбах страны.

Здесь надо сделать пояснение. В СССР к тому времени сложилась модель, характерная и для ряда других государств: наряду с Министерством иностранных дел международные контакты реально осуществляли и неправительственные организации. Причем их роль была достаточно весомой. Советский комитет солидарности стран Азии и Африки – если бы его попытались сравнить с другими структурами – по функциональной значимости не уступил бы подотделу ЦК КПСС. Вместе с тем наш комитет как общественная, но сильно политически ангажированная организация курировался напрямую партийным руководством. Это ни для кого не было секретом.

Конечно, сложившаяся в те годы субординация требовала неукоснительного выполнения директив Старой площади, Международного отдела ЦК КПСС. Однако на практике все было сложнее. Вспоминаю не один случай, когда комитету навязывались сверху директивы, которые не получали понимания и поддержки со стороны видных ученых, выступавших в роли наших экспертов. Приведу два примера. Когда Советский Союз на основе узкого решения верхов ввел в 1979 году войска в Афганистан, ряд наших активистов расценили это как действия, затрудняющие консолидацию национально-освободительных сил, особенно в исламском мире. А еще ранее не менее опасным показался нам советско-китайский пограничный конфликт на реке Уссури в 1969 году. Было очевидно, что размолвка с Китаем ничего доброго не сулит. Конечно, прямо об этом говорить было невозможно, и комитет в таких случаях вынужден был ограничиваться лишь выразительным молчанием.

Зато в постколониальном мире или в среде европейских интеллектуалов, с которыми мы постоянно были в переписке и контактах, могли публично высказываться самые разные мнения. Нам было важно полноценно участвовать в дискуссиях, поэтому наш комитет организовывал поездки за рубеж советских писателей, художников, кинематографистов с мировым именем. Советский Союз был сверхдержавой, олицетворением социализма в мире, и мы стремились к тому, чтобы в общественном мнении западных и постколониальных стран он был представлен весомыми общественными фигурами. Дискуссии приходилось вести нешуточные. Ведь в то время, когда одни горячо поддерживали СССР, видели в нем вершину социализма и справедливости, другие его яростно осуждали – припоминали репрессии, обвиняли в отсутствии свободы слова.

У этой модели международной работы были и другие преимущества. После Второй мировой войны азиатские и африканские колонии одна за другой поднимались на борьбу за независимость. Многие национально-освободительные движения в силу своего негосударственного статуса не имели и не могли иметь прямых связей с официальными государственными структурами. Связи с КПСС расценивались как открытая их поддержка со стороны СССР. Между тем актуальность регулярных контактов с национально-освободительными движениями была постоянной. Поэтому освободительные движения устанавливали контакты, прежде всего, по линии нашего комитета. Мы поддерживали их – морально и политически. Никакой «специальной», военной помощью комитет не занимался, хотя при решении такого рода вопросов наше мнение учитывалось. Позднее в России писали и говорили о том, что СССР якобы напрасно поддерживал движения за независимость, их борьбу против колониализма. Мне кажется, чаще всего эти слова исходили от дилетантов, не понимавших существа дела, или сознательно использовались для дискредитации внешней политики Советского Союза.

Нашу страну иногда пытались уличить в связях с некими террористическими организациями. Между тем широко известно, что проблемы обретения политической независимости бывшими колониями долгие годы находились в центре внимания самых авторитетных международных организаций, прежде всего ООН, а справедливая, вплоть до вооруженной, борьба соответствовала нормам международного права.

В ту пору при ООН действовали специальные комитеты, деятельность которых была напрямую связана с проблемами деколонизации, вопросами борьбы против расизма и апарте-

ида. Мог ли СССР оставаться в стороне от процессов, имевших общемировое значение? Мы активно сотрудничали со структурами ООН: комитетом по ликвидации расизма и апартеида, комитетом по деколонизации или, как его называли, комитетом двадцати четырех, комитетом по Намибии.

Советский комитет солидарности стран Азии и Африки имел постоянные рабочие связи с Организацией африканского единства (ОАЕ). В разное время ее возглавляли видные деятели африканской и мировой политики: первый президент Республики Ганы Кваме Нкрума, президент Гвинеи Секу Туре, президент Египта Гамаль Абдель Насер. Многие из тех, кого национально-освободительные движения выдвинули на авансцену мировой политики, позже возглавили новые государства. Так, Сэм Нуйома, победивший на президентских выборах в Намибии в 1990 году, еще за четверть века до этого стал лидером Народной организации Юго-Западной Африки (СВАПО).

Отдельным направлением нашей деятельности была поддержка Африканского национального конгресса (АНК). За плечами его легендарного лидера Нельсона Манделы, первого африканца, ставшего президентом Южно-Африканской Республики, – двадцать семь лет тюрьмы и десятилетия борьбы с апартеидом. Он несколько лет руководил государством в Южной Африке, а когда почувствовал, что состояние здоровья требует отойти от дел, покинул президентский пост, уступив дорогу молодому, энергичному преемнику Табо Мбеки. В сентябре 1994 года я слушал выступление Манделы на Генеральной Ассамблее ООН в Нью-Йорке и был потрясен тем, с каким энтузиазмом огромный зал, политические деятели Запада и Востока, Севера и Юга приветствовали этого сухощавого человека с горящим взором. Ближе познакомился с ним там же, в Нью-Йорке. Делегация России имела отдельную встречу с Манделой в Индонезийском зале ООН.

За годы работы в Советском комитете солидарности стран Азии и Африки я познакомился со многими соратниками Манделы. Сотни активистов АНК – ныне правящей партии ЮАР, а в те годы оппозиционной – учились в СССР по стипендиям нашего комитета. Позже они заняли крупные государственные посты. Но тогда и при самом свободном полете фантазии нельзя было представить, что в будущем именно этим молодым, скромным людям придется отвечать за судьбу уже свободной от апартеида многорасовой Южно-Африканской Республики – с ее огромными природными ресурсами, разнообразием культур и обычаев, государства, от развития которого в большой степени зависит судьба всего Африканского континента.

Объективное осмысление политики СССР в отношении стран третьего мира приводит к выводу: переоценка отечественного внешнеполитического прошлого должна носить разумный, взвешенный характер, не наносить ущерба национальным интересам России. Государственное внешнеполитическое кредо не должно зависеть от субъективных взглядов того или иного высокопоставленного деятеля.

В полосе огромного периода – с конца 1950-х до конца 1970-х годов – можно обнаружить и неточные ходы советской внешней политики. Но больше было позитивного, совпадавшего с интересами международного сообщества и даже опережавшего их в плане реализации прав человека и социального прогресса. Внешняя политика СССР исходила из гуманистических начал – мы искали пути установления социальной справедливости, утверждения демократических ценностей в разных странах, обеспечения равенства между государствами. Невозможно сбросить с весов истории тот факт, что более шестидесяти государств возникли и обрели независимость в процессе деколонизации. Альтернативой же для них являлась система апартеида и колониальной зависимости.

Поднявшие знамя борьбы с колониализмом

Создание независимых государств, модернизация экономики и общественно-политической жизни бывших колоний требовали выдвижения из национальной среды подлинных политических гигантов. Борьба за освобождение от колониализма породила целую плеяду таких людей. Назову лишь тех, с кем был близко знаком. Эдуардо Мондлане, первый лидер борьбы за независимость Мозамбика. Мне довелось неоднократно встречаться с ним в Каире, Хартуме, Дар-эс-Саламе. Эдуардо, двухметровый великан, подкупал добросердечностью, душевной открытостью. До прихода в политику он был профессором Сиракузского университета, специалистом в области антропологии. Его лекции пользовались огромным успехом, но Мондлане прервал преподавательскую карьеру, чтобы посвятить себя борьбе за независимость родины. Как политик он воплощал в себе лучшие черты национального характера, которые оттенялись его незаурядными ораторскими способностями, глубокими, энциклопедическими знаниями.

Этого талантливому лидеру освободительного движения, профессору европейского университета, ставшего во главе вооруженной борьбы против колонизаторов, человека, которого знал весь мир, постигла трагическая участь. Резиденция Мондлане находилась в Дар-эс-Саламе, тогдашней столице Танзании. Однажды ему принесли присланную якобы из Пхеньяна почтовую бандероль, в которой находилась книга с избранными работами Георгия Плеханова на русском языке. На самом деле в бандероли была бомба. Мондлане развернул посылку, и его тут же разнесло на части. Такими были формы борьбы против ярких личностей, возглавлявших национально-освободительные движения. Причем происходило это уже после падения британского и французского колониализма, после того морального подвига, который совершил генерал де Голль, став президентом Франции.

Де Голль, как мудрый и дальновидный политик, провозглашал свободу для народов бывших колоний и передавал власть их лидерам. Представляя колониальную державу, он осознал, что нельзя больше сдерживать национально-освободительные движения. Война в Алжире шла уже несколько лет, в кровавых столкновениях погиб каждый четвертый алжирец. И де Голль понял, что политическое будущее Франции зависит от того, как поведет себя Париж в отношении своих колоний. От имени Французской Республики он предложил франкофонским странам Африки перевернуть колониальную страницу истории и предоставил им высокую степень автономии в рамках единого с Францией государства. Первым от такого предложения отказался лидер Гвинеи Секу Туре, а вслед за ним и другие. Тогда де Голль на самолете «Каравелла» летит в Канакри, столицу Гвинеи, и объявляет: «Независимость!» Направляется в столицу Мали Бамако и там тоже говорит о независимости. Де Голль летит в Дакар, его встречает будущий президент Сенегала Леопольд Седар Сенгор и слышит те же слова: «Независимость!»

Так поступил великий французский политик. А приблизительно в то же время Португалия, уже освободившаяся от фашистского режима Салазара, заявляла совсем другое: «Не отдадим!»

Здесь я должен вспомнить об Агостиньо Нето, первом президенте бывшей португальской колонии Анголы. Если серые личности повторяют друг друга даже в мелочах, то каждый талант незауряден по-своему. Агостиньо Нето, победивший на выборах в 1975 году, внешне совсем не походил на Эдуардо Мондлане. По профессии он был врачом, а в душе поэтом. Пламенный политический энтузиазм, горячий патриотизм гармонично сочетались в его стихах с тонкой лирикой. Он располагал к себе удивительно мягкими манерами, врожденной деликатностью. Получив образование в Лиссабоне, работал спортивным врачом. Но отказался от спокойной, обеспеченной жизни в Европе, чтобы внести вклад в политическое становление Анголы.

В феврале 1975 года, помню, это было в пятницу, я получил срочное задание Международного отдела ЦК: на следующий же день вылететь в Луанду с секретной миссией и установить на месте контакты с Агостиньо Нето, с которым к тому времени был хорошо знаком. Мы должны были встретиться уже в воскресенье и оценить обстановку в условиях продолжающейся гражданской войны.

В Анголу со мной отправился мой помощник, замечательный африканист Сергей Выдрин. Мы быстро добрались до Парижа, где пересели на самолет бразильской авиакомпании «Вариг», летевший с посадкой в Лиссабоне в Бразилию. Наш багаж по ошибке забрали в Бразилию, но самолет португальской компании ТАП уже вез нас из Лиссабона в Анголу. После многочасового перелета над Сахарой мы оказались на военном аэродроме близ Луанды. В этот же день и почти в тот же час из Дар-эс-Салама, столицы Танзании, на родину спешил Агостиньо Нето. Уже было объявлено, что португальская колониальная власть уходит из Анголы, и в этой обстановке Нето, возглавлявший партию МПЛА, Народное движение за освобождение Анголы, должен был немедленно прибыть в страну. Если бы он не вернулся, то потерял бы власть в борьбе с другими течениями национально-освободительного движения. Конкуренты у Нето были очень сильные: лидер ФНЛА Холден Роберто, которого тогда поддерживал президент Заира Мобуту, и еще более опасный противник – руководитель повстанческой организации УНИТА Жонас Савимби, получавший поддержку ЮАР, Португалии, США и фактически всего Запада. Шансы у всех были приблизительно одинаковы, но в Португалии и ЮАР считали, что победит Савимби, а СССР и социалистический лагерь вместе с Кубой поддерживали МПЛА и Агостиньо Нето.

В это время в Анголе еще находился португальский верховный комиссар вице-адмирал Кардозу, представлявший колониальную власть. Вскоре в стране должны были пройти выборы, и Кардозу готовился передать полномочия. Вся вооруженная борьба к этому моменту должна была прекратиться. Но на самом деле масштаб войны между разными течениями национально-освободительного движения нарастал. Для МПЛА и ее лидера Агостиньо Нето возникла опасность потерять инициативу, а значит, и власть. Перед лицом такой реальности Нето 11 ноября 1975 года провозглашает независимость Анголы и становится ее первым президентом.

Сегодня, спустя много лет, можно совершенно определенно сказать, что в Анголе шла опосредованная война между США и их союзниками, с одной стороны, и СССР – с другой. Азимуты холодной войны и конфронтации проходили здесь, как и во многих других местах, похожих на Анголу. При этом в отношении национально-освободительных движений политическая линия Москвы была более консервативной, чем ее же политика на евроатлантическом направлении, где с большими сложностями, но все же находились компромиссы в поисках путей разоружения и снижения опасности ядерного столкновения. Например, в Зимбабве, так же как и в Анголе, конкурировали между собой два национально-освободительных движения: ЗАПУ во главе с Джошуа Нкомо поддерживал Советский Союз, а ЗАНУ во главе с Робертом Мугабе получал помощь со стороны Запада. Помню, как в октябре 1978 года во время конференции в поддержку народов Африки, проходившей в столице Эфиопии Аддис-Абебе, советская делегация пришла на переговоры в резиденцию, где размещался прибывший на эту конференцию Фидель Кастро. Каково же было наше удивление, когда мы увидели кубинского лидера, общавшегося с главой ЗАНУ Робертом Мугабе. Думаю, в то время политика наших кубинских союзников была более динамичной, гибкой и продуманной, чем позиция СССР.

Но вернемся к моей миссии в Анголе. Я должен был срочно провести беседу с Нето. Он приземлился в тот же день в гражданском аэропорту, и его торжественно встречали как политического лидера МПЛА. Нето знал, что я ишу контактов с ним, но встретиться сразу мы не смогли. В той наэлектризованной военно-политической обстановке это было невозможно. Ночью в наш гостиничный номер стали стучать какие-то люди, представившиеся

моему помощнику дезертирами из португальской колониальной армии. Они просили политического убежища в СССР. Думаю, это была провокация, нацеленная на то, чтобы прощупать мою миссию. Но даже если это было не так, то необходимости предоставлять политическое убежище португальским дезертирам у нас не было. СССР легально поддерживал МПЛА, и брать каких-то «пленных» было бессмысленно.

Связаться с Нето пока не удавалось. Обратиться в посольство или в консульство было нельзя – их попросту не существовало. Оставаться в городе становилось небезопасно, и мы перебрались в пригородную гостиницу, назвавшись для конспирации специалистами по цитрусовым культурам. Там мы продолжали искать контакты с Нето, пока на нас не вышли люди из МПЛА, которые и организовали нашу встречу с ним.

Обмен информацией с Нето состоялся в хорошо охраняемом помещении, причем вокруг было много вооруженных не только мужчин, но и женщин – активисток МПЛА. На следующее утро мы отправились на митинг сторонников Нето, проходивший на центральном стадионе в Луанде. Меня разместили рядом с лидером МПЛА, чуть дальше находились его супруга и ее мать. Нето был женат на женщине из среды португальской аристократии. Мы явно выделялись из числа собравшихся своим цветом кожи. Я выступил на митинге и был абсолютно уверен в том, что мы с Выдриным в тот момент были единственными советскими людьми на земле Анголы.

Но это было не так. Когда я вернулся в Москву, то начальник Главного разведывательного управления Советской армии и Военно-морского флота Петр Иванович Ивашутин попросил меня выступить перед офицерами ГРУ по итогам поездки. В абсолютно закрытом режиме я рассказал о своих наблюдениях. Военную разведку это очень интересовало, поскольку на Луанде сходились тогда проблемы ЮАР, Намибии и других южноафриканских стран. После выступления и ответов на вопросы Ивашутин загадочно посмотрел на меня и улыбнулся. Мол, сказано еще не все. «Очень интересное выступление, Александр Сергеевич, но когда вы сидели рядом с Нето, то у вас за спиной находился майор Уваров. Товарищ Уваров, поднимитесь», – сказал Ивашутин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.